смена

12

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ "ПРАВДА"

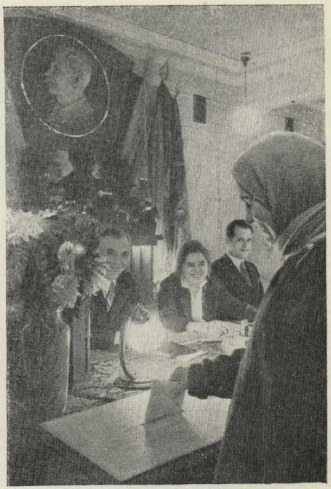
Всенародный праздник

День 12 декабря 1937 года навсегда останется в памяти человечества как день величайшего триумфа социалистического общества. В этот день был избран Верховный Совет Союза советских социалистических республик, высший орган власти в нашей стране. Первым депутатом Верховного Совета был избран творец социалистической Конституции, великий продолжатель дела Ленина, наш вождь и учитель, наш отец и друг — Иосиф Виссарионович Сталин.

Во всех избирательных округах прошли кандидаты нерушимого сталинского блока коммунистов и беспартийных.

На снимках: вверху — товарищи И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и Н. И. Ежов голосуют в избирательном участке № 58 Ленинского избирательного округа Москвы; справа — колхозница А. Т. Куракина, приехавшая в гости в Москву к своим родственникам, опускает конверт с избирательными бюллетенями в урну 27-го избирательного участка Сталинского избирательного округа Москвы.

В выборах участвовали все слои населения нашей страны. На снимке внизу вы видите работницу тов. З. К. Хлопкову, голосующую в родильном доме имени Н. К. Крупской (Советский избирательный округ). На соседнем снимке — старый казак В. И. Кривошлыков голосует в 48-м избирательном участке Ростовско-Ленинского избирательного округа.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Журнал рабочей молодежи
Орган ЦК и МК ВЛКСМ

смена

Декабрь 1937 года
Номер двенадцатый
Год издания XIV

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР!

„Наш Верховный Совет избран! Наши кандидаты стали депутатами! Да здравствует Верховный Совет! Да здравствует всенародный избранник, первый депутат Верховного Совета — великий Сталин!" — с этими мыслями и чувствами вышли на улицы городов и сел ликующие люди. Едва стали известны результаты выборов, как по всей великой нашей стране начались грандиозные демонстрации в честь победы сталинского блока коммунистов и беспартийных.

С новой силой, с новым жаром продемонстрировали миллионы советских патриотов свою безграничную преданность, любовь и доверие к Сталину, к партии большевиков. В Москве, на Красной площади, демонстрировало свыше миллиона трудящихся.

На снимке: рабочие Электрокомбината имени В. В. Куйбышева идут на демонстрацию 15 декабря 1937 года.

РЕЧЬ
товарища
И. В. СТАЛИНА

на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа гор. Москвы 11 декабря 1937 года в Большом театре

Товарищи, признаться я не имел намерения выступать. Но наш уважаемый Никита Сергеевич, можно сказать, силком притащил меня сюда, на собрание: скажи, говорит, хорошую речь. О чем сказать, какую именно речь? Все что нужно было сказать перед выборами уже сказано и пересказано в речах наших руководящих товарищей Калинина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Ежова и многих других ответственных товарищей. Что еще можно прибавить к этим речам?

Требуются, говорят, разъяснения по некоторым вопросам избирательной кампании. Какие разъяснения, по каким вопросам? Все, что нужно было разъяснить, уже разъяснено и переразъяснено в известных обращениях партии большевиков, комсомола, Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов, Осоавиахима, Комитета по делам физкультуры. Что еще можно прибавить к этим разъяснениям?

Конечно, можно было бы сказать эдакую легкую речь обо всем и ни о чем (легкий смех). Возможно, что такая речь позабавила бы публику. Говорят, что мастера по таким речам имеются не только там, в капиталистических странах, но и у нас, в советской стране (смех, аплодисменты). Но, во-первых, я не мастер по таким речам. Во-вторых, стоит ли нам заниматься делами забавы теперь, когда у всех у нас, большевиков, как говорится, «от работ полон рот». Я думаю, что не стоит.

Ясно, что при таких условиях хорошей речи не скажешь. И все же, коль скоро я вышел на трибуну, конечно, приходится так или иначе сказать хотя бы кое-что (шумные аплодисменты).

Прежде всего я хотел бы принести благодарность (аплодисменты) избирателям за доверие, которое они оказали (аплодисменты).

Меня выставили кандидатом в депутаты и избирательная комиссия Сталинского округа советской столицы зарегистрировала меня как кандидата в депутаты. Это, товарищи, большое доверие. Разрешите принести вам глубокую большевистскую благодарность за то доверие, которое вы оказали партии большевиков, членом которой я состою и лично мне, как представителю этой партии (шумные аплодисменты).

Я знаю, что значит доверие. Оно, естественно, возлагает на меня новые, дополнительные обязанности и, стало-быть, новую, дополнительную ответственность. Что же, у нас, у большевиков, не принято отказываться от ответственности. Я ее принимаю с охотой (бурные продолжительные аплодисменты).

Со своей стороны я хотел бы заверить вас, товарищи, что вы можете смело положиться на товарища Сталина (бурная, долго несмолкающая овация. Возглас из зала: «А мы все за товарищем Сталиным!»). Можете рассчитывать на то, что товарищ Сталин сумеет выполнить свой долг перед народом (аплодисменты), перед рабочим классом (аплодисменты), перед крестьянством (аплодисменты), перед интеллигенцией (аплодисменты).

Далее, я хотел бы, товарищи, поздравить вас с наступающим всенародным праздником, с днем выборов в Верховный Совет Советского Союза (шумные аплодисменты). Предстоящие выборы это не просто выборы, товарищи. Это действительно всенародный праздник наших рабочих, наших крестьян, нашей интеллигенции (бурные аплодисменты). Никогда в мире еще не бывало таких действительно свободных и действительно демократических выборов, никогда! История не знает другого такого примера (аплодисменты). Дело идет не о том, что у нас будут выборы всеобщие, равные, тайные и прямые, хотя уже это само по себе имеет большое значение. Дело идет о том, что всеобщие выборы будут проведены у нас как наиболее свободные выборы и наиболее демократические в сравнении с выборами любой другой страны в мире.

Всеобщие выборы проходят и имеют место и в некоторых капиталистических странах, так называемых, демократических. Но в какой обстановке там проходят выборы? В обстановке классовых столкновений, в обстановке классовой вражды, в обстановке давления на избирателей со стороны капитали-

стов, помещиков, банкиров и прочих акул капитализма. Нельзя назвать такие выборы, даже если они всеобщие, равные, тайные и прямые, вполне свободными и вполне демократическими выборами.

У нас, в нашей стране, наоборот, выборы проходят в совершенно другой обстановке. У нас нет капиталистов, нет помещиков, стало-быть, и нет давления со стороны имущих классов на неимущих. У нас выборы проходят в обстановке сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции, в обстановке взаимного их доверия, в обстановке, я бы сказал, взаимной дружбы, потому что у нас нет капиталистов, нет помещиков, нет эксплоатации и некому, собственно, давить на народ для того, чтобы исказить его волю.

Вот почему наши выборы являются единственными действительно свободными и действительно демократическими во всем мире (шумные аплодисменты).

Такие свободные и действительно демократические выборы могли возникнуть только на почве торжества социалистических порядков, только на базе того, что у нас социализм не просто строится, а уже вошел в быт, в повседневный быт народа. Лет 10 тому назад можно было бы дискутировать о том, можно ли у нас строить социализм или нет. Теперь это уже не дискуссионный вопрос. Теперь это вопрос фактов, вопрос живой жизни, вопрос быта, который пронизывает всю жизнь народа. На наших фабриках и заводах работают без капиталистов. Руководят работой люди из народа. Это и называется у нас социализмом на деле. На наших полях работают труженики земли без помещиков, без кулаков. Руководят работой люди из народа. Это и называется у нас социализмом в быту, это и называется у нас свободной, социалистической жизнью.

Вот на этой базе и возникли у нас новые, действительно свободные и действительно демократические выборы, выборы, примера которым нет в истории человечества.

Как же после этого не поздравить вас с днем всенародного торжества, с днем выборов в Верховный Совет Советского Союза! (Бурная овация всего зала).

Дальше я хотел бы, товарищи, дать вам совет, совет кандидата в депутаты своим избирателям. Если взять капиталистические страны, то там между депутатами и избирателями существуют некоторые своеобразные, я бы сказал, довольно странные отношения. Пока идут выборы, депутаты заигрывают с избирателями, лебезят перед ними, клянутся в верности, дают кучу всяких обещаний. Выходит, что зависимость депутатов от избирателей полная. Как только выборы состоялись и кандидаты превратились в депутатов,— отношения меняются в корне. Вместо зависимости депутатов от избирателей, получается полная их независимость. На протяжении 4-х или 5-ти лет, т. е. вплоть до новых выборов, депутат чувствует себя совершенно свободным, независимым от народа, от своих избирателей. Он может перейти из одного лагеря в другой, он может свернуть с правильной дороги на неправильную, он может даже запутаться в некоторых махинациях не совсем потребного характера, он может кувыркаться, как ему угодно,— он независим.

Можно ли считать такие отношения нормальными? Ни в коем случае, товарищи. Это обстоятельство учла наша Конституция и она провела закон, в силу которого избиратели имеют право досрочно отозвать своих депутатов, если они начинают финтить, если они свертывают с дороги, если они забывают о своей зависимости от народа, от избирателей.

Это замечательный закон, товарищи. Депутат должен знать, что он слуга народа, его посланец в Верховный Совет и он должен вести себя по линии, по которой ему дан наказ народом. Свернул с дороги, избиратели имеют право потребовать назначения новых выборов, и депутата, свернувшего с дороги, они имеют право прокатать на вороных (смех, аплодисменты). Это замечательный закон. Мой совет, совет кандидата в депутаты своим избирателям, помнить об этом праве избирателей,— о праве досрочного отзыва депутатов, следить за своими депутатами, контролировать их и, ежели они вздумают свернуть с правильной дороги, смахнуть их с плеч, потребовать назначения новых выборов. Правительство обязано назначить новые выборы. Мой совет — помнить об этом законе и использовать его при случае.

Наконец, еще один совет кандидата в депутаты своим избирателям. Чего нужно вообще требовать от своих депутатов, если взять из всех возможных требований наиболее элементарные требования?

Избиратели, народ должны требовать от своих депутатов, чтобы они оставались на высоте своих задач, чтобы они в своей работе не спускались до уровня политических обывателей, чтобы они оставались на посту политических деятелей ленинского типа, чтобы они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин (аплодисменты), чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин (аплодисменты), чтобы они были свободны от всякой паники, от всякого подобия паники, когда дело начинает осложняться и на горизонте вырисовывается какая-нибудь опасность, чтобы они были также свободны от всякого подобия паники, как был свободен Ленин (аплодисменты), чтобы они были также мудры и неторопливы при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов, каким был Ленин (аплодисменты), чтобы они были также правдивы и честны, каким был Ленин (аплодисменты), чтобы они также любили свой народ, как любил его Ленин (аплодисменты).

Можем ли мы сказать, что все кандидаты в депутаты являются именно такого рода деятелями? Я бы этого не сказал. Всякие бывают люди на свете, всякие бывают деятели на свете. Есть люди, о которых не скажешь, кто он такой, то ли он хорош, то ли он плох, то ли мужественен, то ли трусоват, то ли он за народ до конца, то ли он за врагов народа. Есть такие люди и есть такие деятели. Они имеются и у нас, среди большевиков. Сами знаете, товарищи, семья не без урода (смех, аплодисменты). О таких людях неопределенного типа, о людях, которые напоминают скорее политических обывателей, чем политических деятелей, о людях такого неопределенного, неоформленного типа довольно метко сказал великий русский писатель Гоголь: «Люди, говорит, неопределенные, ни то, ни се, не поймешь, что за люди, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан» (смех, аплодисменты). О таких неопределенных людях и деятелях также довольно метко говорится у нас в народе: «так себе человек — ни рыба, ни мясо» (общий смех, аплодисменты), «ни богу свечка, ни черту кочерга» (общий смех, аплодисменты).

Я не могу сказать с полной уверенностью, что среди кандидатов в депутаты (я очень извиняюсь перед ними, конечно) и среди наших деятелей не имеется людей, которые напоминают скорее всего политических обывателей, которые напоминают по своему характеру, по своей физиономии людей такого типа, о которых говорится в народе: «ни богу свечка, ни черту кочерга» (смех, аплодисменты).

Я бы хотел, товарищи, чтобы вы влияли систематически на своих депутатов, чтобы им внушали, что они должны иметь перед собой великий образ великого Ленина и подражать Ленину во всем (аплодисменты).

Функции избирателей не кончаются выборами. Они продолжаются на весь период существования Верховного Совета данного созыва. Я уже говорил о законе, дающем право избирателям на досрочный отзыв своих депутатов, если они сворачивают с правильной дороги. Стало быть, обязанность и право избирателей состоят в том, чтобы они все время держали под контролем своих депутатов и чтобы они внушали им — ни в коем случае не спускаться до уровня политических обывателей, чтобы они — избиратели внушали своим депутатам — быть такими, каким был великий Ленин (аплодисменты).

Таков, товарищи, мой второй совет вам, совет кандидата в депутаты, своим избирателям. (Бурные, долго несмолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают и обращают свои взоры в правительственную ложу, куда проходит товарищ Сталин. Раздаются возгласы: «Великому Сталину, ура!», «Товарищу Сталину, ура!», «Да здравствует товарищ Сталин, ура!», «Да здравствует первый ленинец — кандидат в депутаты Совета Союза — товарищ Сталин! Ура!»).

Привет молодым

Айше Гургенидзе собирала чай на солнечных плантациях родной Грузии.

Биля Мисостишхова училась в горной Кабардино-Балкарии в коммунистической сельскохозяйственной школе.

Неври Калиляев ремонтировал свой трактор к весенней посевной кампании: ведь весна в Крыму ранняя.

Готовил к походу свою подводную лодку черноморский моряк Павел Замятин.

С утра до вечера, как обычно, работал в депо у паровозов ленинградец Василий Богданов.

Председатель Совета народных комиссаров Бурят-Монголии Соломон Иванов руководил жизнью своей республики.

Глубоко под землей добывал уголь шахтер Федор Лашгоба.

И высоко над землей водил свой самолет Герой Советского союза Александр Черных.

Волей советского народа все они и десятки других молодых граждан выбраны депутатами в Верховный Совет, высший орган власти социалистического государства рабочих и крестьян. Все они кандидаты непобедимого сталинского блока коммунистов и беспартийных.

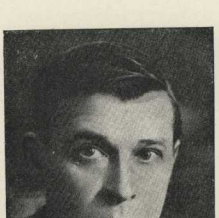
Боевой руководитель ленинского комсомола Александр Косарев; знатная трактористка Паша Ангелина; стахановка Ташкентского текстильного комбината Майджуда Абдурахманова; председатель колхоза имени Сталина Сергей Коротков; знатная трактористка, ныне учащаяся Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева Паша Ковардак; младший командир комсомолец Шарип Халилов; бригадир колхоза имени Казановича Дзибулта Двугаев и многие, многие другие встретятся в Кремле, где 12 января соберется первая сессия Верховного Совета Союза ССР.

Не хватило бы страниц журнала для того, чтобы показать всех молодых избранников народа. Свыше двухсот юношей и девушек будет вместе с великим Сталиным, с лучшими сталинскими соратниками решать вопросы строительства коммунизма. Что может быть прекраснее и почетнее чем эта работа?

Им, молодым гражданам, доверена величайшая ценность — судьба страны социализма.

Сотни юношей и девушек, только недавно начавших трудовую сознательную жизнь, уже успели проявить себя в различных областях человеческого знания и труда. Они сумели проявить себя как пламенные советские патриоты и непримиримые борцы за дело Ленина—Сталина. Вот почему их выбрал советский народ в верховный орган советского государства.

Молодое поколение Советской страны, воспитанное великой партией Ленина—Сталина, пользуется заслуженным доверием народа. Пожелаем же молодым избранникам страны с честью работать и оправдать это высокое доверие!



Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ
А. КОСАРЕВ.

Знатная трактористка
ПАША АНГЕЛИНА.

Одна из самых молодых депутатов
АЙШЕ ГУРГЕНИДЗЕ.

Лучший тракторист Крымской республики
НЕВРИ КАЛИЛЯЕВ.

Знатная колхозница Кабардино-Балкарии, студентка сельскохозяйственной школы
БИЛЯ МИСОСТИШХОВА.

Черноморский моряк
П. ЗАМЯТИН.

Избранникам страны!

Стахановка-текстильщица
МАЙДЖУДА АБДУРАХМАНОВА.

Председатель колхоза имени Сталина
С. КОРОТКОВ.

Бригадир колхоза имени Кагановича
Д. ДЗУГАЕВ.

Студентка Сельскохозяйственной академии
имени Тимирязева
ПАША КОВАРДАК.

Начальник депо Ленинград—Витебская
В. БОГДАНОВ.

Шахтер
Ф. ЛАШТОБА.

Герой Советского союза
С. ЧЕРНЫХ.

Председатель СНК Бурят-Монголии
С. ИВАНОВ.

Младший командир РККА
ШАРИП ХАЛИЛОВ.

В. ВИКТОРОВ

Депутат Селезнев

Голубые глаза, высокий лоб, широкий подбородок — вот внешний облик Анатолия Селезнева. Это все тот же подобранный, скромный, молчаливый подводник Селезнев, который входил в Кремль, чтобы получить из рук Михаила Ивановича Калинина орден Ленина.

В биографии Селезнева нет ничего неожиданного и непоследовательного. Жизнь его ясна.

Первые детские воспоминания Анатолия Селезнева связаны с войной. Анатолию было четыре года, когда отец его пошел воевать с немцами. Ему было шесть лет, когда в 1917 году отец вернулся домой, изможденный, усталый человек.

Семья была большая — семь человек детей. Жизнь трудная. Это были годы гражданской войны.

Ребенок с тревогой следил, как через деревню проходили военные отряды. Он видел, как взрослые парни и старые фронтовики деревни Ваймино уходили в Сергиевский посад призываться в Красную армию.

Крестьянский сын Анатолий Селезнев ничего не знал кроме своей деревни. Тринадцатилетним подростком окончил он сельскую школу. В этой школе в свое время учился и его отец.

Анатолию было девятнадцать лет, когда прошла первая волна коллективизации. Семейство Селезневых вступило в колхоз. Анатолий стал одним из лучших колхозных работников. Односельчане выбрали его членом сельсовета.

Двадцатилетним юношей Анатолий впервые на несколько месяцев приехал в Москву. Он приехал работать сезонником-чернорабочим. С недоверием присматривался он к незнакомой жизни. Хотелось учиться, многое повидать, но все было непривычным для него...

С нетерпением ждал он призыва в Красную армию. В армии надеялся Селезнев расширить свои знания. И вот в 1933 году колхозник Селезнев пришел на призывной пункт. Врачи не могли обнаружить у широкоплечего парня ни одного дефекта.

— Во флот! — таково было заключение комиссии.

Анатолий чуть не захлебнулся от неожиданного счастья. Да разве мог еще несколько лет назад крестьянский парень мечтать о флоте? Туда брали преимущественно искусных заводских ребят — слесарей, токарей, электромонтеров.

И вот молодой колхозник Селезнев приехал в Ленинград. Никогда в жизни не видел он такой широкой воды. Балтийский экипаж, как назывались морские казармы, стоял окруженный каналами, словно баржа на причале.

В Балтийском экипаже Селезнева еще раз осматривали врачи. Это был как бы допрос с пристрастием. Люди в белых халатах всячески пытались уловить фальшивый тон сердца, едва уловимый хрип в легких, дымку в зрачках. Как потом узнал Селезнев, шел отбор лучших из лучших для самой опасной, но и самой интересной морской службы — подводной.

И опять врачи не нашли у Селезнева ни одного дефекта. Анатолий был зачислен на подводную службу.

Плавать не то что по морям, но и по рекам Селезневу не приходилось. Он был сыном земли, знал землю и единственное, что умел делать, — работать на земле.

Что такое подводная лодка, Селезнев тоже не знал. Он даже не предполагал, что существуют подводные лодки. Что скрывать, глубины моря казались ему мало удобными для житья и работы. Молодых подводников на первом же занятии предупредили, что от малейшей оплошности зависит не только их собственная жизнь, но и жизнь всей команды.

Год пробыл Селезнев в школе подводного плавания. Здесь он впервые столкнулся со сложными машинами, механизмами. Он изучал гирокомпас — прибор, с помощью которого лодка идет по курсу, перископ, с помощью которого под водой можно наблюдать поверхность моря.

Удивительным упорством и настойчивостью обладал этот светловолосый парнек. Он мог часами просиживать над чертежами, проверяя каждую частицу сложного механизма.

Селезнев получил специальность штурманского электрика.

Летом 1934 года Анатолий впервые пришел на подводную лодку.

За низкой кормой покачивался гранитный Кронштадт, обросший мачтами, Кронштадт, запирающий подступы к Ленинграду.

Селезнев спустился по отвесной железной лестнице. Железо окружало его со всех сторон. Железные потолки, железные стены, полы. И каждый сантиметр этой железной площади был приспособлен для приборов, торпедных аппаратов, электрических батарей.

Он осматривал лодку, где ему предстояло прожить и проработать три года. Все выглядело совсем иначе, чем он предполагал: проще и вместе с тем значительнее.

Селезневу показали его боевое место. Оно помещалось рядом с командным постом и перископом. Над штурманским столом висел гирокомпас. Он привык видеть этот прибор в классной комнате. Теперь перед ним был настоящий боевой механизм, от работы которого зависела судьба лодки, жизнь всей команды. Гирокомпас после погружения лодки определял страны света, и, следовательно, по нему устанавливался курс.

Лодка отошла от причала. Она двигалась, медленно рассекая черные воды залива. Селезнев с нетерпением ждал момента, когда, наконец, лодка уйдет под воду. Сколько раз мечтал он в школе об этом мгновении. Уйти под воду — вот это должно быть здорово! Теперь он был у порога этого таинственного события.

Но усталость взяла свое — Селезнев заснул. Ночью его разбудили. Он был уверен, что это ночь. Горело электричество, гудела вентиляция, звонко тикал хронометр. Он стал на вахту, и штурман, покосившись на него, спросил, улыбаясь:

— Ну как, интересно под водой?

— Как под водой?..

Только теперь он понял, что иначе бы не гудела вентиляция. Лодка погрузилась, но все было как обычно. Сменная вахта сидела на рундуках и ела горячий борщ... Так началась подводная жизнь Анатолия Селезнева.

Три года он плавает на той же лодке. Он прекрасно знает все сложное подводное хозяйство. По первому приказу командира он готов стать на боевую вахту у любого механизма. Он научился по слуху чувствовать правильность работы приборов самого различного назначения.

Больше всего ценит в своей работе Селезнев тесную дружбу подводников. Подводная команда — от командира до кока — единая дружная семья. Под водой все делится поровну: и опасность, и пища, и работа.

За год работы Селезнева было немало острых, напряженных моментов, когда дело решала точность команды в выполнении приказов командира. Много интересных вещей мог бы рассказать Селезнев, но он предпочитает молчать. И не только из-за скромности.

В глубинах Балтики сформировался характер Селезнева, прямой, невозмутимый, готовый к борьбе характер бойца. На подводной лодке вступил Селезнев в комсомол, сейчас он комсорг лодки. Эта работа еще более ответственна чем служба штурманского электрика. Селезнев обеспечивает дружбу команды.

В этом году часть команды, окончив срок службы, разъехалась по стране. Селезнев остался на сверхсрочную. Он не мог покинуть лодки, на которой за боевую подготовку получил орден Ленина, где из паренька, ничего не видевшего, кроме своей деревни, вырос в мужественного и сильного бойца. Здесь, под водой, он научился видеть мир.

Селезнев знает, для чего он изо дня в день готовится к бою. Овладев техникой, он сделал целью своей овладение большевизмом. Уже в этом году он хотел поступить в военно-политическую школу имени Энгельса, готовящую политруков. Но Селезнев еще очень молодой коммунист. Только в этом году он принят в кандидаты партии. Надо еще поработать.

Осенью этого года Селезнев удостоился высокой чести: моряки и рабочие, избиратели Свердловского округа Ленинграда, выдвинули подводника Селезнева кандидатом в депутаты Совета Союза.

В ноябре Селезнев выступил с речью на предвыборном окружном совещании Свердловского округа.

— Перед нашей молодежью открыто широкое поле деятельности, — сказал Анатолий. — С радостной уверенностью смотрит она на свой жизненный путь. Нашей молодежи есть где показать свои таланты, есть где получить знания и развить свои способности. Советская власть, даша молодежи школы, вузы, втузы, дворцы культуры, клубы, библиотеки. Права молодежи четко и ясно записаны в Сталинской Конституции.

Смею вас заверить, товарищи, что все завоевания социализма наша Красная армия, и вместе с ней и флот будут защищать и сумеют отбить от всех врагов.

Я, боец Краснознаменного Балтийского флота, даю обещание трудящимся Свердловского избирательного округа всемерно укреплять оборону нашей страны.

Речь его была покрыта дружными, горячими аплодисментами.

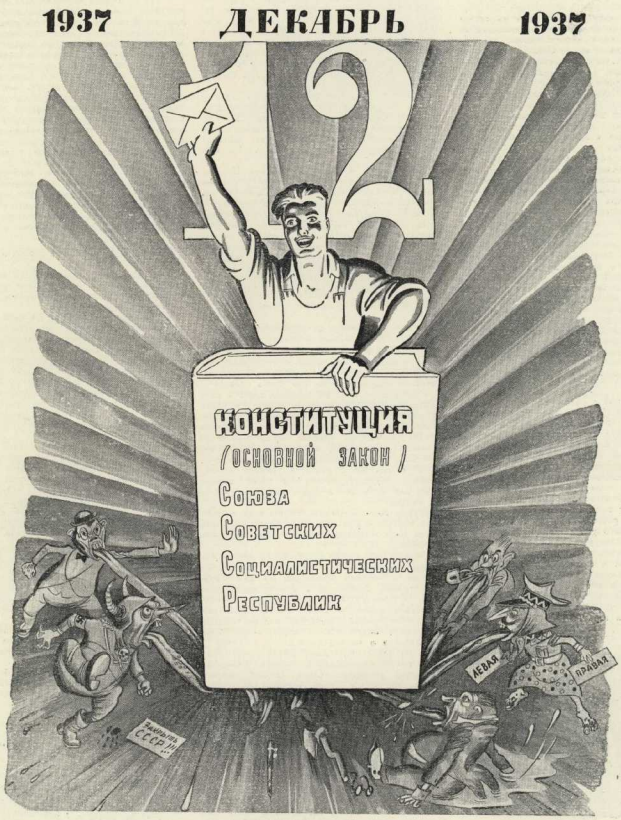
А 14 декабря страна узнала, что среди избранников народа оказался и крестьянский парень из деревни Ваймкино—комсомолец Селезнев.

Не может быть сомнения, что эти господа окончательно запутались в своей критике проекта Конституции...

И. В. СТАЛИН

(Из доклада на Чрезвычайном VIII всесоюзном с'езде советов 25 ноября 1936 года. Глава «Буржуазная критика проекта Конституции»).

Рисунок Н. Лиса.



Выборы в Верховный Совет Союза ССР нанесли еще один сокрушительный удар по буржуазным „критикам" советской Конституции.

О. ГОРОДОВИКОВ

Депутат Верховного Совета СССР

Моя юность

ДЕТСТВО

Родился я 1 октября 1880 года на хуторе Эльмуста, в калмыцкой семье, кочевавшей со своей кибиткой по Сальским степям.

Мне дали древнее имя — Ока. Имена у нас, калмыков, оставались еще старыми, а фамилии были русские. По-калмыцки фамилия моя Хардагин — «черный головик».

Отца моего Хаби русские переселенцы называли Иваном.

И вот русский писарь, приезжавший к нам раз в год отмечать новорожденных и умерших калмыков, записал в книге Оку Ивановича Городовикова — меня.

Мать ходила по степи, подбирала палалину, выдирала жилы, выделывала из них нитки. Была она также большой мастерицей собирать в степи коренья, дубить и красить кожи. Из обрывков кожи шила она всем нам штаны, кожухи, сапоги. И в жалкой нашей нищете все-таки умудрялась порадовать нас раскрашенными жилами вышивала она на голенищах сапог всевозможные пестрые узоры.

Нас, детей, было шестеро. Постоянными спутниками моего детства и юности были голод, холод, нужда.

Ни одна зима, ни одна весна не проходила у нас без эпидемий: то тиф, то оспа. Но постоянным и самым страшным врагом кочевых калмыков был туберкулез.

Болел я много. Справиться с болезнями помогло, видимо, мое железное здоровье. Лечили нас знахари способами очень жестокими.

СУРОВЫЙ УРОК

До 7 лет я жил с родными.

Ранней весной богачи-баи делят свои стада на маленькие, голов по 25—30 каждое, чтобы мать не растеряла детишек в большом стаде. В это время баям нужны дешевые рабочие руки и молодые зоркие глаза — смотреть за маленькими кущанами.

И вот, как только пошел мне 8-й год, родные определили меня в пастухи. Бай положил жалованье: за 3 месяца работы одна овчинная шкура. Будут у меня на зиму шуба и штаны.

Я работал, работал изо всех сил, какие только могут быть у 7-летнего.

Но вот однажды, устав до предельной крайности от бессонных ночей и бесконечного хождения по степи, я прилег в густую, еще не выжженную солнцем траву и уснул.

Спал я, видимо, очень долго. Когда проснулся, совсем стемнело. Огляделся: нет моих кущанок! Сердце сжалось маленьким комочком и подкатилось к горлу.

«Где же ты это шатался?..»

Я побрел наугад по направлению к дому хозяина. Шел долго. Наконец, в темноте засветились окна кибитки. Стуча в ответ слышатся ругань и плеканье босых ног. Вхожу в темную кибитку, пропитанную зловонием, как мне кажется, запахом копоти и пота. Грозно нахмурив бровь, стоит передо мной старший чабан: «Где же ты это шатался?». Да, где же, интересно знать, твое стадо?..»

Крепкая рука опускается мне на голову. Помню дикую боль и без конца подымающуюся и опускающуюся огромную руку. Наконец мой мучитель, видимо, устав, разрешает мне лечь, со словами: «Подожди, вот наступит утро — хозяин покажет тебе, как терять стадо».

Ночь тянется мучительно медленно. Что будет с родными, когда они узнают о случившемся? Хозяин потребует у них денег за потерянных кущанок, а где их взять, деньги?

Только перед рассветом забылся я коротким сном. Знакомый каркающий голос разбудил меня: «Вставай, лентяй, иди к хозяину, он тебе покажет, где раки зимуют!.» Жмусь к стене кибитки и тихо плачу. Наконец, мой мучитель, видимо, насытившись, говорит спокойно, точно ничего не произошло: «Хватит нюни распускать! Кущанки твои целы. Вчера вечером я пригнал их...»

СХВАТКА С ОРЛАМИ

Был со мной такой случай. Однажды я увидел в степи, как стая орлов затеяла драку из-за добычи. Старые орлы начали забивать небольшого орленка. Ялаь мне стало орленка — и я побежал к нему на помощь, крича и размахивая руками. Но орлы не испугались. Один из них отделился от стаи и бросился на меня. Сильным ударом в голову он повалил меня на землю. Вслед за первым орлом налетели остальные. Я слышал, как трещит мой овчинный полушубок. Бороться с громадными птицами я был не в силах. С ужасом думал: «Сейчас разорвут овчину — и тогда конец». Я не раз наблюдал в степи, как орлы убивали зайцев.

Собрав последние силы, кричу: беги неподалеку пастухи — мои товарищи. Кричу, что есть мочи. Еще несколько минут промедления — и я погиб..

Но вот послышался топот: бегут мне на помощь. Один из орлов взвился, задев меня своими огромными крыльями, за ним — другой, третий. Вскакиваю с земли, осматриваю себя. Отделался сравнительно благополучно: несколько ранок на спине, плечах и голове. Одна беда: новый полушубок, недавно сшитый из овчины, полученной за трехмесячную службу, изорван в мелкие клочья.

Слезы застилают глаза. Значит, всю зиму буду сидеть безвыходно в кибитке. Товарищи пытаются успокоить. Одни из них говорят, что можно будет зимой надевать полушубки поочередно. Трогательным их забота и желание утешить меня в моем горе.

С тех пор я ужасно не люблю орлов, и мне на охоте доставляет огромное удовольствие убивать их. Берешь в руки большое крылатое безжизненное тело — и в памяти невольно возникает раннее детство и порванный полушубок.

ШКОЛА ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ

Недалеко от места, где щипали траву мои кущанки, ходили по степи большие байские табуны лошадей. Их пасли ребята постарше нас, юноши лет 16—17.

Долго тянется летний день. Скучно пасти в степи. И вот, чтобы развлечься, ребята предлагают нам, малышам, покататься на молодых необъезженных лошадях.

Я всегда первым изъявлял свое желание. Лошадей я с детства любил и люблю до сих пор какой-то необъяснимой любовью.

На шею дикого коня накидывался аркан, который стягивали до тех пор, пока бедное животное почти что теряло сознание. Меня брали на руки и сажали на спину лошади, конечно, без седла и уздечки. Почувствовав свободу и обезумев от удушья, лошадь бросалась в степь. Вдруг она ощущает на себе незнакомый груз. С дикой силой бросается в сторону, чтобы сбросить ненужного ей седока. Скачок и.. я лечу через голову лошади на высохшую землю.

Нередко при таком полете я теряю сознание.

Очнешься. Кругом стоят хохочущие табунщики, радуясь хорошо придуманному развлечению: «Ну как, больно?» Все кости ломит, но отвечаешь спокойным голосом: «Нет, ни капельки не больно. Очень хорошо прокатался. Отдохну да еще раз покатаюсь».

С МЕСТА НА МЕСТО

Три года я пас кущанок. В 10 лет стал настоящим пастухом. Мне платили рубль в месяц, и я чувствовала себя взрослым, но все заработанное отдавал матери.

Через несколько лет я, так сказать, сменил специальность: поступил на службу к нашему калмыцкому священнику — гелюнгу.

С работой я справлялся легко, но удручало меня то, что я не мог спать по ночам. Не успеет взойти луна — идут к моему хозяину его приятели-гелюнги. Набьется их полная комната, усядутся ужинать, в картишки поиграть. Тут только слышится: «Эй, Ока, подай водку!» Если же водка кончилась, приходится за ней бежать километров за 5. И так несколько раз в ночь.

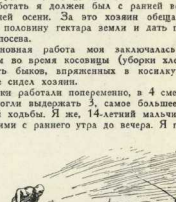
Наступит день. Только кончишь уборку, хозяин зовет: спать, значит, захотел. Хозяин был большой охотник спать днем. Придешь к нему в комнату, лежит эта туша (весил он, наверняка, не менее пудов 7): «Ну, Ока, полно тебе лодыря гонять, почеши-ка мне лучше пятки». Сядешь возле него на кровать, чешешь пятки, а самого слезы душат. Лучше уж самую непосильную работу делать, чем этому бурдюку пятки чесать!

Не выдержал я этого — ушел от гелюнга. Отец устроил меня на работу к одному крупному русскому купцу-кулаку.

Работать я должен был с ранней весны до поздней осени. За это хозяин обещал выделить половину гектара земли и дать пшеницы для посева.

Основная работа моя заключалась в том, чтобы во время косовицы (уборки хлеба) погонять быков, впряженных в косилку. В косилке сидел хозяин.

Быки работали попеременно, в 4 смены. Быки могли выдержать 3, самое большее 4 часа такой ходьбы. Я же, 14-летний мальчик, бегал за ними с раннего утра до вечера. Я подгонял



...Я подгонял быков, а меня — хозяин...

быков, а меня подгонял хозяин, сидевший в косилке...

В КОЛОДЦЕ

Как-то душным вечером я, сидя верхом на хозяйской лошади, гнал быков на водопой.

В Сальских степях колодцы были в то время очень редкими и неглубокими. Колодец представлял собой нечто вроде ямы; рядом с ним обыкновенно стояло небольшое корытце, чтобы поить лошадей и быков.

Напоил я свою скотину, и тут, хоть я и устал, захотелось мне испробовать старый степной прием—сесть на лошадь сразбегу. Хорошенько разбежавшись, вскочил я на лошадь. Но я забыл, что в правой руке у меня было большое ведро, ведро ударило лошадь в шею, та, испугавшись, сильно осадила назад, поскользнулась в грязи и упала в колодец.

Упала она на задние ноги, голова же и передние ноги оказались наверху. Бросив ведро, ухватился я обеими руками за шею лошади и свалился вместе с ней в колодец. Холодная вода обдала меня с ног до головы.

К счастью, я попал под шею лошади, а не под спину. С большим трудом я взобрался на ее голову.

Сижу. Перспектива не блестящая сидеть в таком положении неизвестно сколько времени в холоде, темноте и сырости. Наверху мирно жуют жвачку быки. Вся надежда, что хозяин, отправившись на розыски, натолкнется на них и догадается о моем положении.

Наконец, раздались голоса. Я закричал. А вдруг не услышат? Вдруг пройдут мимо?

...Я лечу через голову лошади...

Но мой страх рассеялся: меня услышали. Слышу голос хозяина. Над колодцем появляется его лицо: «На, держи веревку, подлец!..» И вот я на воле. Мне здорово достается, но не это страшно: страшно то, что хозяин сказал: «Если лошадь искалечена, не получишь ни одного зерна из своего жалованья».

Стали вытаскивать лошадь из ямы. Длилось это почти целый день. Работа в поле была сорвана. Хозяин злился и всю свою злость вымещал на мне, но я терпеливо сносил побои. Я думал только об одном: цела ли лошадь?

Мне повезло: лошадь оказалась невредимой.

СВОЕ ХОЗЯЙСТВО

Наконец, после множества мытарств решили мы с братом сами заняться сельским хозяйством. Были мы здоровые, крепкие парни, мне было лет 16, а брату, пожалуй, — и все 20.

Но чтобы заниматься хозяйством, прежде всего необходимо иметь лошадь или же быков. А где их взять?.. Подумав, решили мы взять молодых быков, которых сдают баи для так называемой «обработки». Молодых, полудиких быков нужно постепенно приучать ходить в упряжке. Для этого баи отдавали их на «воспитание» таким беднякам, как мы. «Воспитание» быков требовало очень много времени, работать с ними было очень тяжело, но выбора у нас не было

Инвентарь мы достали тоже на очень тяжких условиях.

Вспомнишь свою молодость—и страшно становится! Как мы жили! Как непохоже все это на теперешнюю счастливую жизнь нашей молодежи! Как много дала молодежи наша советская Сталинская Конституция!

...Стал я работать в шахте...

...Работали мы не покладая рук всю весну и лето и только-только смогли засеять 5 га. Но как ни тяжела была наша работа, нас поддерживало сознание, что так или иначе мы работаем для себя.

ШАХТЫ ПАРАМОНОВА

В 17 лет я был уже вполне взрослым человеком, с установившимся характером. Я горел одной мыслью: как можно скорее стать вполне самостоятельным.

И я работал... работал... работал... не щадя себя.

Как-то один из моих хозяев послал меня на шахты, находившиеся верстах в 150 от хутора. Я заинтересовался условиями работы на шахтах и решил поступить туда.

Поздней осенью с котомкой за плечами вошел я на территорию шахт Парамонова. Встретил меня мелкий дождичек вперемежку с угольной пылью. Поборов внезапно нахлынувшие страх и смущение, я храбро вошел в контору и сказал приказчику, что пришел работать. Меня, как и всех, снабдили маленькой лампочкой и повели к копру.

...Жить мне, как и всем шахтерам, приходилось в бараках. Все мы, старики и крошечные дети, вместе спали на нарах. Здесь же пили, играли в карты, дрались. Кругом голь и нищета беспросветная. Тяжело мне смотреть на эту жизнь. Нет, нельзя променять нашу широкую, раздольную степь на эти шахты! Рвется сердце, болит за себя и за людей.

Как-то раз темной ночью, когда усталые, измученные мы лежали у себя в бараках, раздался взрыв. Земля задрожала, стены, потолки затрещали и с треском стали рушиться. Обезумевшие люди выбегали, хватая свои жалкие пожитки, оставляя на произвол судьбы детей и стариков. Я вместе со всеми выскочил на двор. Пламя, вырывавшееся из крыши завода, покрывало все небо. Тысячи осколков летели в воздух.

Взрыв... Одна мысль промелькнула в тысяче голов: под землей муж... брат... отец... мать... сестра...

На утро выяснилось, что 300 человек убито, столько же ранено.

Нет, домой, домой! Сил нет видеть терзания этих людей!

Рано утром я пришел в контору за расчетом.

В АРМИИ

Шел 1903 год — год моего призыва. Стояла хмурая осень.

К дому под'ехал станичный писарь, сунул мне в руку клочок серой бумаги и тронулся дальше в путь.

Помню, долго вертел я в руках эту бумагу, и смутно было у меня на душе.

Вместе с 18 калмыками выехал я из своей станицы на сборный пункт в станицу Константиновку. Оттуда двинулись мы на конях в Новочеркасск для погрузки на поезд и отправки в полк, находившийся в маленьком городке Янове, бывшей Люблинской губернии.

Прибыли в Новочеркасск. После обеда нас повели по улицам города. Это был первый город, который я увидел в жизни, и мне, жителю степей, все казалось странно и необыкновенно красиво... Поражали огромные витрины. Поражало обилие зеркал и какого-то страшно яркого света. Только впоследствии я узнал, что это горело электричество.

Рассматриваю я город и вдруг страшно захотелось пройтись по этим чарующим улицам одному. Предложил товарищу отделиться от колонны и сбегать за папиросами. Незаметно для нашего командира мы отошли в сторону. Купили папирос, бежим обратно, но, к нашему ужасу, товарищей нигде не видно...

Весь день мы бродили по городу, усталые и измученные.

Дождь не переставал. Мы промокли до костей. Нужного нам здания мы не находили никак. Да и что тут найдешь, когда все дома так похожи друг на друга! Но вот, наконец, какой-то человек, видимо, сжалившись, отвел нас к жандарму. Жандарм до прихода утреннего поезда поместил нас в комнате дежурного по вокзалу.

В этой комнате работал писарь и сидело человек 5 казаков, обслуживавших комендантское управление. Писарь стал расспрашивать, кто мы, и, узнав, сказал: «Вот что, молодчики, вы, наверное, умеете танцовать по-своему, по-калмыцки?» Я ответил утвердительно. «Ну, так вот, приказываю вам до самого утра танцовать и петь на своем языке, а ежели не исполните моего приказания, знайте, завтра я вас никуда не отправлю!»

Подумали мы с товарищем и согласились.

Началась мучительная ночь. Сначала пошел танцовать я. Танцовал долго. Голова кружилась от голода, не повиновались ноги, уставшие от сегодняшней бесконечной ходьбы. Потом я заменил товарища, который, пока я плясал, изображал на губах нечто вроде музыки бом-бор — балалайки. Плясал измученный товарищ. Потом снова я. И так до утра. Люди из других комнат приходили поглядеть на «чудо», найденное писарем. Они смеялись над разрезом наших глаз. Смеялись над нашими танцами и песнями.

Мучительная злоба проснулась в моем сердце.

Утром нас посадили в поезд, и на другой день мы вновь увиделись со своими товарищами.

ЦАРСКАЯ СЛУЖБА

27 декабря 1903 года мы благополучно прибыли в город Янов.

Нас привели в казармы и об'явили карантин. Поразили меня грязь, вонь, специфическая смесь запахов прогнившей капусты и грязных портянок. Спали солдаты на длинных нарах, без простыней и одеял, в одежде, так как казармы не отапливались.

Началась учеба. Мучительно было учить титулы и имена царской семьи. Как ни долбишь трехэтажные, а иногда пятиэтажные их титулы, обязательно что-нибудь соврешь, отвечая урядинку. Иногда же просто выговорить не сможешь. С тем, что мне, калмыку, это трудно, никто не считался.

...Они смеялись над нашими танцами.

Когда началась серьезная полковая военная учеба, я с первых же занятий показал себя как неплохой наездник и меткий стрелок.

И как мне ни трудно было, я все же выучился писать и читать уже сравнительно прилично.

Постепенно меня стали «выдвигать». Но «выдвижение» это обходилось мне дорого. Отмечало меня высшее начальство, и каждое мое повышение возбуждало гнев нашего командира сотни. Он придирался ко мне всячески. Без конца подвергался я дисциплинарным взысканиям. Что может быть тяжелее, когда в лице своего ближайшего командира чувствуешь врага? Была у меня мысль — бежать. Но не хотелось расставаться с военным делом. Как ни тяжела была солдатская служба, я все же любил ее.

ПЯТЫЙ ГОД

Наступил 1905 год. Вспыхнуло восстание на броненосце «Потемкин». Грозной волной прокатилось оно по большой России.

Нас послали в город Домбров. Домбров был об'явлен приказом на военном положении. Граждан, появляющихся на улицах после 9 часов вечера, казаки должны были арестовывать. «В случае неподчинения патрулю, — гласил приказ, — казаки имеют право на месте расстреливать неподчиняющихся. За исполнение настоящего приказа казаки будут награждаться медалью святой Анны и денежной суммой в 25 рублей».

И находились люди, которые убивали прохожих, вовсе не думавших о бегстве и сопротивлении. Все из-за ордена и 25 рублей.

Я в то время много и упорно думал: «За что награждают этими красивыми медалями? В чем виноваты прохожие?» И я решил, что должен узнать, действительно ли виноваты в чем-нибудь эти люди. Прежде чем не узнаю, ни одной пули не выпущу из своей винтовки!

ВОЙНА

В 1907 году я вернулся домой. Проработал станичным инструктором до 1914 года, т. е. до об'явления мобилизации.

Завыли, заголосили бабы. Загудел набатно колокол, сзывая станичный сход.

На сходе выступал сам атаман. Каким-то неестественным, истерическим голосом произнес он свою патриотическую речь. И дико звучали слова: «За веру, царя и отечество».

Помню, возвращаясь со схода, я встретился с одним односельчанином. Поздоровались.

Он спросил меня:

— Слушай, Городовиков, а тебе эта война нужна? А?

— Нет, ненужна, — ответил я. — Да я и не пойду воевать: семья без меня с голоду пропадет.

Молча, не прощаясь, мы разошлись...

В ОКОПАХ

В начале 1916 года дошла и до меня очередь явиться на сборный пункт.

Опять на мне шинель, пахнущая кислой шерстью. Я получил назначение в 43-й Донской казачий полк, отправлявшийся на австрийский фронт.

...День и ночь бьет неприятель по нашим окопам артиллерийским огнем. Не раз проклинал я день своего рождения и господа бога.

Второй год пошел войне. Нет веры в победу. Появились дезертиры. На них почти не обращают внимания. Бежал? Ну что ж, пусть бежит: не до него сейчас.

Однажды я нашел большевистскую листовку. Просто и ясно говорилось в ней, кому нужна война, кто враг, против кого надо идти воевать, как приблизить конец войны. Хорошо запомнились мне слова: «Отобрать у помещиков землю...»

В этой листовке я впервые прочел, впервые услыхал изменившее мою жизнь великое имя «Ленин».

...Мне нужно было разложить под подушками казаков большевистские листовки.

МОЙ ПУТЬ К ПАРТИИ

Вскоре после февральской революции подружился я на станции Сулин с кузнецом Михаилом. Хороший был парень, умный, много рассказывал мне о Ленине, о большевиках.

От него получил я первое свое партийное задание: мне нужно было разложить под подушками казаков моей сотни большевистские листовки. Задание я выполнил успешно.

Много времени прошло с тех пор, много суровых боев и походов. В станице Платовской повстречался я с товарищем Буденным. Помню, Семен Михайлович сказал мне: «Ну, Городовиков, видно, придется нам вместе воевать». Так оно и случилось.

Много воды утекло между годом, когда я выполнил первое партийное задание, и годом моего вступления в партию.

Дело было так. В марте 1919 года, когда мы разгромили под Царицыном армию генерала Краснова и добивали ее остатки, я задумал организовать эскадрон связи.

Проходя по Дону до Сальских степей, я набрал в свой эскадрон около 200 добровольцев. Народ был прямо как на подбор: ребята все грамотные, развитые, исполнительные.

Подходит однажды ко мне военком и говорит:

— Ока Иванович, а ты заметил, что эскадрон связи у нас здорово засорен?

Я посмотрел на комиссара с удивлением:

— Как это засорен?

Тут военком преподал мне элементарный урок политграмоты. Он об'яснил, что в эскадрон проникли белые офицеры, бывшие урядники, прапорщики. Сказал, что некоторые из них ведут у нас соответствующую работенку, а другие просто хотят отсидеться до «лучших времен». Беседа с военкомом показала мне, что в политике я был малограмотен. После этого я стал пристальнее изучать людей, чаще беседовать со своими товарищами, с комиссаром и, наконец, вступил в партию.

Партия Ленина—Сталина дала мне и всему моему народу счастливую, радостную жизнь, дала возможность учиться, развиваться, расти.

Оглядываясь на пройденный мной путь, я вижу, что всей жизнью своей, лучшим, что есть в ней, я обязан партии большевиков.

И мне хотелось бы, чтобы каждый мой день, каждый поступок служили делу нашей партии, делу Ленина—Сталина, и хоть в небольшой степени содействовали процветанию нашей великой родины.

ОКА ГОРОДОВИКОВ

Выше напечатаны отрывки из воспоминаний О. И. Городовикова, рисующие трудную его молодость, столь отличную от счастливой жизни молодых граждан нашей страны.

Биография Оки Ивановича Городовикова тесно сплетена с историей доблестной Первой Конной армии Буденного, созданной по инициативе и под непосредственным руководством товарища Сталина.

Во главе своей дивизии бился славный «начдив четыре» с бандами Мамонтова, Шкуро, Покровского, покушавшихся на свободу и независимость нашей родины. До конца гражданской войны не покидал он своего боевого поста несмотря на пять ранений и контузию.

За свои боевые заслуги О. И. Городовиков был награжден тремя орденами Красного знамени.

В 1922 году Городовиков командируется на военно-академические курсы. С 1925 по 1931 год командует Червонным казачьим корпусом на Украине. В 1931 году поступает в Военную академию имени М. В. Фрунзе. По окончании академии Городовиков получает назначение заместителя командующего войсками Среднеазиатского округа.

12 декабря 1937 года Ока Иванович Городовиков был избран депутатом в Совет Национальностей Верховного Совета СССР трудящимися Кунградского избирательного округа Кара-Калпакской АССР.

М. СЛОНИМСКИЙ

Западня

Рисунки И. Гринштейна

Это случилось давно, в 1922 году. Но Антоний Горбов запомнил это происшествие навсегда как предостережение и угрозу.

Мать Антония в том, 22 году умерла от тифа, отец, политработник Красной армии, еще два года назад погиб в бою, и Антоний остался теперь один в родном пограничном местечке. Брат вызвал его к себе, в город, где он жил, на работу в военной канцелярии. Он прислал денег, и Антоний, готовый к от'езду, отправился на базар нанимать до железнодорожной станции лошадь. Но до базара он не дошел: у самого почти крыльца остановил его какой-то человек в черной меховой шапке, полушубке и в валенках.

— Вам, говорят, до станции нужно? — осведомился он.

— Да.

— Могу довезти задешево. Мне по пути.

И он, действительно, назвал очень малую цену.

Антоний обрадовался и тут же условился с ним.

— Только пешком до деревни дойдем, — сказал мужик.— Недалеко, версты две — три будет. Вещички-то где? Я понесу.

Он взял сундучок с вещами Антония, и Антоний, распрощавшись с соседями, пошел.

Мужик долго водил его по лесу, и Антоний уже несколько раз спрашивал, скоро ли деревня, когда они вышли к озеру. Здесь, на берегу, ждали дровни. На них навалены были пустые мешки. Лошадь стояла смирно, понурившись, заиндивевшая на морозе.

Низенький человечек в тулупе выдвинулся навстречу, обменялся несколькими словами со спутником Антония и нырнул в лес.

Антоний примостился на мешках.

Лошадь пошла.

Антоний сидел в неловкой позе, упираясь ладонями в мешки, и по вздрагивающей его спине можно было уже угадать некоторую в нем неуверенность. Он зашевелился, обернулся.

— Что это за озеро?

Мужик только рукой махнул в ответ, приказывая молчать.

Теперь сани тащились по крутому холму, заросшему лесом.

Лошадь вдруг рванула, сани ринулись вниз по склону.

Колкий ветер пронизал лицо и грудь, лишил дыхания. Навстречу устремилась, подымаясь со сверканием и свистом, белая сумятица, полная морозного ветра, льда и луны. Антонию казалось, что он падает, толкаемый в бок, в спину, в грудь, и не за что уцепиться, нельзя остановить саней.

Но вот все, что крутилось и срывало с саней, стихло. Сани в последний раз скакнули на ухабе и пошли тише по ровному ледяному пути к черным избам, нахлобученным на белые сугробы.

У крайней хаты возница остановил сани. Соскочив наземь, крикнул:

— Ядя!

Из хаты вышла женщина в коротенькой, до коленей шубке, накинутой на белый свитер. Ноги у нее не как у крестьянки: тонкие и обутые в невысокие валенки.

— Кого это ты привез, Ильюсь? — спросила она.

— Прими лошадь, — отвечал тот.

— Сам установь.

Морозный пар шел от ее дыхания.

Она подошла к лошади, тронула губами ее ноздри и глянула на Антония. Губы у нее красные.

Ильюсь сказал Антонию:

— Идемте. В тепле посидите, согрейтесь. Ехать далеко.

И Яде:

— Распрягай. Да возьми салазки и привези дров из лесу.

Ядя отстранила лицо от морды лошади. Меж черных ее бровей прошли злые складки. Потом она раздвинула брови и спросила:

— Что неласков? А поцалунак?

— Проживешь и без поцелуя.

— А пан с женщиной тоже неласков?

И она усмехнулась, глядя на Антония упор.

Антоний покраснел, растерялся и пролепетал невнятно:

— Я? Нет... Почему же?..

Ильюсь взял юношу за локоть и повел его прочь от саней, от Яди, вдоль длинного, зарытого в сугробы плетня. Дойдя до ближней хаты, Ильюсь остановился. Хата сидела в снегу, как огромная черная птица, раскрыв долгие крылья и бросив на мерзлый снег синюю тень. Окно было — пласт льда.

— Сюда, — промолвил Ильюсь.

Антоний шагнул через порог. Большая лампа-молния, висевшая под потолком, освещала знакомые портреты вождей на стенах, плакаты и лозунги, которые могли бы рассеять всякое беспокойство и не у такого доверчивого человека, как он. За небольшим деревянным столом сидел человек в красноармейской форме.

— Здравствуйте, — сказал Антоний. — Я вам не помешаю?

Но человек даже головы в ответ не поднял, дописывая какую-то бумагу. Дописал, отодвинул и взглянул на Антония.

— Почему вы хотели бежать заграницу? — осведомился он.

— Бежать? Куда? — удивился Антоний. — Разрешите познакомиться. Я Антоний Горбов, сын комиссара Горбова...

— Так, так, — перебил непонятный человек. — Вы позорите память вашего отца. Вы должны были работать в военном комиссариате?

— В военной канцелярии. Да, кажется, в канцелярии военного комиссариата. Меня вызвал брат, прислал денег, я нанял лошадь до станции... У меня мать умерла от тифа...

Антоний замолк в растерянности.

— Так, так... — человек, которого Антоний счел следователем, говорил с едва заметным польским акцентом, — Так. Но вы не ответили мне на вопрос о причинах вашего желания бежать заграницу.

— Это какое-то страшное недоразумение! — возмутился Антоний.— Я сын комиссара Горбова и ехал к брату, чтобы работать в военном комиссариате. Так, товарищ, нельзя же, право... Вот товарищ может подтвердить.

И он обернулся к Ильюсю.

— Заграницу лошадь нанимал, — промолвил тот кратко.

— Как вам не стыдно! — воскликнул Антоний. — Ничего подобного! Он врет!

В первый раз в жизни он сталкивался с такой наглой ложью и весь дрожал от возмущения.

— Нам все известно, — сказал следователь. — Своими увертками вы только ухудшаете свое положение.

И вновь повторил:

— Вы позорите память вашего отца.

— Но, товарищ...

— Довольно! Может быть, вы образумитесь к утру. В камеру!

В камере, то есть в чулане, куда Ильюсь запер Антония, было темно и тихо. Антоний опустился на пол и заложил меж поднятых к подбородку коленей руки, ладонь к ладони. Так он сидел ошеломленный, возмущенный, уверенный только в одном: что он неповинен в преступлениях, в которых его обвиняют.

Вдруг полоса света легла на пол: дверь медленно, без скрипа, отворялась.

Антоний вскочил.

У порога стоял Ильюсь.

— Напугался? — спросил он. — Решили помиловать тебя. За папашины заслуги. Прошение тебе надо написать. Вот тебе карандаш чернильный. Помусоль.

— Как вам не стыдно было так оболгать меня! — воскликнул Антоний. — Вы прекрасно знаете, что я нанимал лошадь на станцию. Зачем вы лгали?

— Ты бумагу прочти, — отвечал Ильюсь. — Я тебе посвечу.

И он придвинул фонарь.

— Вот видишь?.. «Заявляю, что Илья Грачев оболгал меня, и поэтому я больше дела с ним иметь не хочу». Следователь, добрая душа, вписал. Не поверил мне.

— Как стыдно! — сказал Антоний, подписывая это, по всей форме составленное прошение. — Я никак не мог ждать от вас такой... такой лжи.

Ильюсь удалился и очень скоро вернулся обратно.

— Собирайся в дорогу, — сказал он. — Тебя Ядя повезет. Считаешься теперь проверенным. Только следователь проститься с тобой хочет.

Он повел Антония к следователю, и тут новая неожиданность поразила юношу.

Та же большая лампа-молния висела под потолком, но она освещала не те портреты, что были раньше. Какие-то чужие усатые рожи глядели, усмехаясь, со стен на Антония. Плакаты и лозунги исчезли. Офицер в канарсечной форме сидел за столом. Это был тот же самый человек, которого Антоний принял за следователя, но это был чужой человек, как все чужое было здесь теперь, в этой горнице.

Антоний побледнел и, не мигая, глядел на офицера.

— Хотели вы или не хотели, — начал тот, улыбаясь, — а вы заграницей. Вы понимаете теперь, что попали не в родное Чека? У нас вы так откровенно не подтвердили бы то, что, впрочем, нам и без того было известно. И прошение не подписали бы. Не правда ли? Но мы на вас не в обиде. Мы будем друзьями и отпустим вас на родину. Уезжайте, работайте, будьте счастливы, помните только, что никто вас сюда не тащил. Мы попросим от вас только несколько небольших услуг, раз уж вы к нам заехали. Несколько небольших услуг, и никто никогда не узнает о вашем приключении. Итак, вы должны сообщать нам кое-какие данные...

Антоний хотел ответить, оборвать офицера, но смог промолвить одно только слово:

— Нет.

— Но будьте благоразумны, — продолжал офицер. — Ведь я вас сюда не звал. Вы сами приехали. Или, может быть, вас силой затащили?

Он сделал паузу.

— Ведь нет? А по дороге вы могли заподозрить, что вас ведут через границу? Так? Но вы пошли. Вы, значит, сами хотели попасть к нам? Мы совсем не хотим ссориться с вами. Вот у меня ваше прошение, в котором вы жалуетесь на Грачева, не хотите больше иметь с ним дела. Но, значит, вы до того имели с ним дела? Так? А Грачев — наш крупный разведчик и вербовщик. Не вы первый из наших агентов жалуетесь на него. Сорвы между сослуживцами — они часто бывают... Вы у себя на родине никак не сможете оправдаться. Ведь если вы пожелаете поссориться с нами, то мы в порядке добрососедских отношений с вашей страной передадим эту вашу записку пограничникам...

— Вам никто не поверит! — вскрикнул Антоний.

— Посмотрим, — отвечал спокойно офицер.— Обязательно поверят, и вас ожидает большой позор. «Ложное Чека» мы применили в первый раз. Кто же вам поверит, что, подписывая, вы не знали, где находитесь?

Он помолчал.

— Все будет очень секретно, — продолжал он затем. — Никто ничего не будет знать. И много выгоды. Вы все равно уже наш: вы в моих руках, в любой момент я могу передать ваше признание о связи с нашим разведчиком, Если ваш брат узнает, что сын комиссара Горбова имел связь с нашим перебежчиком и разведчиком, он отречется от вас, он вас самолично расстреляет как шпиона... Вас ожидает позор, от которого вам никак не избавиться. А несколько небольших услуг, даже только одна услуга нам — и вы навсегда забудете об этом приключении и будете свободны и счастливы.

Все это было очень похоже на сон. Голос офицера настойчиво, как бред, бил в уши.

— Сын героя, — говорил офицер. — К такому есть особое доверие. Кто вас заподозрит? Ваш брат, как удалось выяснить господину Грачеву, тоже сражался в Красной армии... Какой позор ожидает вас, если узнают о ваших сношениях со шпионом! Ну? Решайтесь!

— Нет, — повторил Антоний хрипло.

Он казался старше теперь. Лицо его осунулось, и глаза угрюмо глядели из-под длинных ресниц.

— Все равно придется вам согласиться, — промолвил офицер.

Приведенный обратно в камеру, Антоний растянулся на полу ничком и, закрыв лицо руками, заплакал: все-таки ему было только восемнадцать лет. Ему было жалко себя. Все было бесстыдно и бесчеловечно здесь. Он вдруг сказался на дно грязной ямы, и ему суждено здесь погибнуть, в этой вонючей яме. Но, дойдя до крайних пределов отчаяния, он нашел уверенность и спокойствие. Он должен вырваться отсюда. А если удастся ему вырваться, то на родине никакая клевета не опорочит его. На родине победила правда. И такая любовь к родной земле охватила его, какой он тоже не знал раньше. Он расскажет все безбоязненно. Он ничего не скроет. И товарищи отбросят злобу врагов.

Не было ни окна, ни щели. Бежать невозможно. Значит, смерть.

Антоний не знал, что убивать его не намерены.

Он думал, что его ведут на пытку или на расстрел, когда утром его вывели из чулана. Ильюсь привел его к своей хате и оставил тут с Ядей. Сам пошел запрягать.

И вдруг Ядя подбежала к нему. Черный завиток выбился у нее из-под шапочки. Она шепнула:

— Бежим!

И потащила его за собой к озеру.

— Спаси меня от Грачева! Увози в Русь!..

Антоний, не раздумывая, побежал к озеру.

— Спаси меня,— шептала она.— Ильюсь меня убить хочет.

Она внезапно прижалась к нему, и тут Антоний почувствовал движение почти инстинктивное, не сразу осознанное им, основанное на том, что он уже никому и ничему здесь не верил: он вынул револьвер из кармана ее шубки и сжимал в руке. Он все время высматривал оружие и, должно быть, ощутив револьвер в ее кармане, когда она прижалась к нему.

Ядя нежно и спокойно улыбнулась.

— Верь, — сказала она.— Я б сама дала тебе. Бежим!

И они быстро заскользили к озеру.

На берегу Антоний оглянулся и увидел, что позади, на вершине холма, показался Ильюсь. Он был на лыжах. Покатился по склону, завернул в сторону очень ловко и остановился. Значит, увидел беглецов и будет стрелять.

Этого человека Антоний ненавидел так, как никого еще не доводилось ему ненавидеть в жизни.

Ильюсь задумчиво глядел на советские леса. Яде должно удастся дело. Она прильнет к этому мальчишке, и на той стороне будет хорошей лазутчицей. Если же мальчишка не станет агентом, если выкрутится, она все равно останется. Все было договорено точно. Она будет бегать к нему, а он — к ней. Не в первый раз совершает она такие вылазки. Потом опять перекинут ее на другой участок. Ильюсь любил свое дело и гордился тем, что ему поручено было раскинуть сеть агентов до самого города. И он стоял, осклабивая советские зубы как свои. Он был хозяином там раньше: винокуренный завод, пахота... Рано или поздно все вернется к нему обратно. Он поднял револьвер, чтобы наверняка промахнуться: надо же показать, что он хочет пристрелить беглецов...

И вдруг раздался выстрел. Антоний, остановившись и внезапно подняв револьвер, выстрелил в Ильюся.

Ильюсь пошатнулся.

— Измена! — крикнул он.

Вторая пуля свалила его, и он покатился по склону.

Ядя оглянулась на выстрелы и остановилась. Бормотала только:

— Матка боска ченстховска, крулева неба и земли, змилуйся надо мной! Непонятна!

Все произошло внезапно и неожиданно. Ильюсь! Ее Ильюсь убит, мертв. Неужели убит? И она бросилась туда, где чернело его тело. Но Антоний крепко схватил ее за руку и потащил в лес.

Ядя, вырываясь, шипела:

— У, холера, замордолава б!..

И замахнулась свободным кулаком.

Лицо ее было изуродовано злобой.

Они были уже на той самой опушке, где ждали Ильюся дровни с пустыми — после сдачи контрабанды — мешками. Значит, это еще не граница, а может быть, начало нейтральной зоны. Граница в тот, двадцать второй год не охранялась еще так крепко, как сейчас.

Антоний протащил Ядю в глубь леса и тут вновь выстрелил. На тревогу примчались пограничники, и Антоний сдал им разведчицу.

В комендатуре он рассказал во всех подробностях о том, что случилось с ним. Не утаил, конечно, и прошения, которое подписал столь неосмотрительно.

Труп Грачева на озере, виденный пограничниками, подтверждал слова Антония. Все же рассказ его был тщательно проверен. Все оказалось правдой, и Антоний отправился к брату. Он получил даже благодарность за первое свое задержание, за привод искусной лазутчицы Явгини Валевской, а также за уничтожение крупного шпиона Ильи Грачева.

Антоний крепко схватил ее за руку и потащил в лес.

ПЭРЛ БАК

Родина

Родившийся и воспитанный в Нью-Йорке, Джон Чанг пламенно любит Китай и прилагает все усилия, чтобы его товарищи подобно ему интересовались их далекой родиной. Но напрасно! Молли Кин, которая также родилась и воспитывалась в Нью-Йорке, хочет быть только американкой. Вполне естественно, что чем больше Молли Кин отдаляется от него, тем больше Джон Чанг ее любит. Решив уехать в Китай, Джон Чанг пытался убедить Молли, что долг всех китайцев — вернуться на родину, которая нуждается в них. Джон предлагал ей уехать с ним в Китай и там пожениться. Но Молли ответила, что она любит другого и в Китай ни за что не поедет...

* * *

Только гордость не позволяла Джону Чангу вернуться обратно в Америку. Он блуждал по улицам китайского города никому неизвестный и одинокий. Он предполагал увидеть нечто похожее на Вашингтон, Нью-Йорк или Париж, который он знал по почтовым открыткам, а перед ним простирались улицы с одноэтажными домами. Наконец, он пришел к месту, где находилась могила национального героя. Над ней возвышался огромный памятник, показавшийся Джону безобразным.

— И тут лежит герой! — он вернулся домой с чувством отвращения.

Двоюродный брат — его компаньон — предоставил ему отпуск, и он решил предпринять путешествие на юг страны: посетить село, где родилась его мать. Утомленный, он прибыл, наконец, к цели своего путешествия. Но разве это было село! Хижины были построены из земли, и обитатели этих хижин так походили на всех тех, кого он уже видел повсюду. Мужчины смотрели недоверчиво на его европейское платье, женщины пугливо избегали его. Грязная дорога, один — два чайных домика, весьма непривлекательных на вид, запах человеческих экскрементов на полях... Он даже не сделал попытки найти кого-нибудь из членов своего рода. Он бежал в ужасе от всего виденного, крикнув кули:

— Уйдем! Сейчас же уйдем отсюда!

Когда ему, наконец, удалось попасть на дорогу, вымощенную камнем, он вовсе не расхаивался в том, что написал в последнем письме Молли Кин: «Оставайтесь там, где вы находитесь. Выходите замуж за Жоржа Лию и живите счастливо в светлой небольшой квартире, где к вашим услугам будет электрическая печь, холодильный шкаф, а вокруг вас будет чистота, чистота, чистота!..»

* * *

В Шанхае его ждало письмо от Молли. Оно прибыло три месяца спустя после его приезда в Китай, сделав тысячи лье. Он сразу понял, что это письмо от нее. Шелковистая бумага хрустела, когда он ее разгибал, и слова, невероятные, радостные, полные значения, прыгали перед его очарованными глазами. Он снова увидел Молли, ее пышные волосы, живой взгляд, дерзкое выражение лица, тонкий и гибкий стан: «Я приезжаю, Джон Девей Чанг, я приезжаю! У меня теперь совершенно другие мысли. Это вы внушили мне их. Я думаю, что «старая страна» нуждается во мне...»

Затем следовали несколько новостей, две—три шутки. «...Я купила билет и буду в Китае восемь дней спустя после этого письма. Меня сопровождает отец. «Деловое» путешествие! Но дело, ради которого я еду, — это вы». В конце страницы сжатыми микроскопическими буквами постскриптум, который Джон прочитал с трудом: «Вы можете купить обручальное кольцо, если вам этого хочется».

Ошеломленный, он сложил шуршащее письмо. Она должна скоро приехать! Его вдруг охватило неистовое желание очистить все вокруг себя. Ему было стыдно: стыдно за грязь, за бедность, за невежество соотечественников. Стыдно за своего толстого двоюродного брата, стыдно за самого себя. Волосы его сейчас были слишком длинны, белье — сомнительной чистоты. В Нью-Йорке он никогда бы не дерзнул показаться в таком виде.

В течение нескольких дней Джон действовал с непреклонной решительностью. Можно ли найти в этой стране угол, маленький чистый угол, который служил бы очагом для него и Молли?

Он занял денег у двоюродного брата.

— Американка? — спросил тот с недоверием.

— Нет, нет! — вскричал Джон, и вдруг у него в голове мелькнула тревожная мысль: «Если и не совсем, то почти американка».

Зная своего двоюродного брата, он ничего больше не прибавил.

Он снял дом на территории иностранной концессии, маленькую одноэтажную дачу с верандой. Дача была вдалеке от китайской части города, от лавки и дома двоюродного брата. Перед домиком цвел большой розовый куст, даже в это позднее время года покрытый благоухающими цветами. Весной этот куст будет служить прекрасной оградой. Молли будет чувствовать себя за ней как в раю. В маленьком дворе рос олеандр. Джон нанял служанку, которая все вымыла, вытерла, вычистила. Он занялся поисками кровати, стульев, столов, посуды, картин.

Долгожданный час, наконец, наступил. Джон побежал на пристань. Молли, его Молли через несколько мгновений будет здесь! И несмотря на радость он бросал вокруг беспокойные взгляды. Он чувствовал себя виноватым за все: за лохмотья кули, за грязь торговцев... Он очень обрадовался, увидев двух китайских девочек в длинных одеждах из голубого шолка в сопровождении матери и служанки. Хорошо, что на пристани Молли увидит хотя бы эту группу... Он так боялся, что Китай вызовет в ней разочарование в первую же минуту. Как удачно, что в маленьком домике есть по крайней мере электричество...

В то время как он предавался этим мыслям, большой пароход причалил к пристани. Джон увидел Молли, побежал к ней, взял за руку и долго не мог оторвать от нее взгляда.

— А вот мой отец! — сказала молодая девушка смеясь.

Джон почтительно поклонился добродушному толстому китайцу.

— У меня есть письмо от ваших родителей, — прибавила Молли.

Но Джон ничего не слышал из того, что она ему говорила. Он был весь поглощен созерцанием ее красоты. «Красивее чем всегда,— подумал он,—но настоящая иностранка!» Молли с интересом смотрела вокруг.

— Мне тут ничто не кажется странным, во всяком случае, не более странным чем то, что я видела в других частях света. У меня такое впечатление, точно я родилась здесь.

Приехавшие прошли все таможенные формальности. Джон хотел позвать такси, но маленькая ручка легла на его плечо.

— Возьмем лучше эту забавную коляску, — сказала Молли, показывая на одного из рикшей. — Такси слишком уже обычны!

И в то время, как они катили по улицам, увлекаемые кули, еле переводящим дух, она обернулась к Джону с сияющим радостью лицом.

— Очень забавно!—крикнула она, махая рукой.

* * *

Прошла неделя. Джон не переставал удивляться перемене, происшедшей с Молли. В Нью-Йорке она была смелой, дерзкой девушкой, похожей на мальчугана. Тут весь ее задор исчез. Она больше не говорила на уличном жаргоне Нью-Йорка. Она стала молчаливой. «Разочарована так же, как и я в первые дни, но не хочет этого показать», — думал Джон.

— Так где же эта грязь, где эти несчастные существа, которых ты мне описывал в письмах? — спросила она его как-то.

— Когда я приехал сюда, у меня могло создаться неправильное впечатление, — уклончиво ответил Джон.

Он сказал однажды Молли, что совершенно счастлив. Сейчас, когда он ощущал ее присутствие — за столом напротив него во время еды, ночью в своих об'ятиях, — он убедился, что жизнь без Молли была бы ему не в жизнь. Он мужественно переносил все неприятное на работе, зная, что в конце дня вернется к себе, в чистый, опрятный домик, где ему так хорошо. Он уже не боялся узких улиц, по которым текут ручьи нечистот, где бродят слепые и калеки. По вечерам оба они читали, слушали патефон, иногда ходили в кино, но самым большим наслаждением Джона было слушать голос и смех жены.

Увы! Ему казалось, что с каждым днем ее веселость уменьшается. «Надо почаще проводить вечера в американской концессии, — думал обеспокоенный Джон. — Это ей напомнит Нью-Йорк».

И он говорил:

— Не хочешь ли пойти в ресторан?

Они говорили между собой по-английски, так как Молли плохо знала китайский язык и сама смеялась над своими ошибками. Для разговоров со служанкой и другими женщинами она составила небольшой словарь.

— Принеси мне книгу для чтения, одну из тех, которые дают маленьким детям в школах, — попросила она однажды мужа.

Затем она потребовала преподавателя и стала терпеливо учиться выводить иероглифы. Как-то они пошли в кабаре и танцовали целый вечер, но им было не особенно весело. И это несмотря на то, что Джон истратил почти пять долларов, что мог делать нечасто.

Когда прошло около двух месяцев после их женитьбы, Молли с улыбкой спросила мужа:

— Что скажешь ты, если я перестану носить эти американские платья и буду одеваться по-здешнему?

Джон раскрыл глаза от удивления. Он хотел что-то ответить, но она прервала его:

— Подожди, не говори ничего, прежде чем не увидишь...

И когда Джон в этот вечер вернулся домой, он был восхищен, увидев ее в шолковой тунике мягкого зеленоватого цвета, с высоким воротом. Она пригладила свои короткие волосы,

и ее совершенно круглое и серьезное лицо походило на красивый цветок. Ее жесты стали более грациозными, плавными. Даже улыбка переменилась. Джон смотрел на нее молча.

— Да, — прошептал он, не будучи в состоянии ничего больше сказать.

Позже, после обеда, он спросил ее не без волнения:

— Этот костюм тебя не стесняет?

— Нет. Я никогда не чувствовала себя так хорошо, как сегодня!

«Наш маленький дом служит ей оплотом,— думал Джон. — Она может прогуливаться в безопасности по улицам иностранной концессии, видеть красивые магазины и автомобили. Какое счастье, что мне удалось найти этот маленький домик!»

Иногда Джон рассказывал дома кое-что о голоде, о бандитах, о войнах в центре страны. Молли, казалось, не интересовалась этими вещами. Она совершенно не читала английских газет, и, так как она не умела еще бегло читать по-китайски, маленький домик был для нее как бы всей вселенной.

Правда, Молли рассказала как-то Джону, что видела утром крохотный трупик новорожденной девочки, брошенный на мостовую. Но Джон приложил тогда все усилия, чтобы Молли забыла об этом. И мало-помалу грусть ее прошла. Она попрежнему была веселой и очаровательной, той самой женщиной, о которой он мечтал: красивой, кроткой, привязанной к своему домашнему очагу.

* * *

И вдруг все переменилось. Случилось это весьма некстати: Молли ожидала ребенка, сына, как она сообщила мужу по секрету. Теперь только Джон понял, почему она перестала носить американские платья.

«Теперь более чем когда-либо, — думал Джон, — я должен ее охранять в нашем маленьком домике, в этом оазисе посреди огромной, печальной и древней страны».

В один весенний день, семь месяцев спустя после того дня, как они стали ждать сына, раздались пушечные выстрелы. Глухой гул отдался эхом и замер. Затем снова загремело. Джон тотчас же понял, что происходит. Хотя за последнее время он почти не читал газет, но атмосфера была настолько напряженной, что он тотчас догадался: японцы высадили десант.

Снова раздался залп из пушек.

— Что это такое? — вскричала Молли.

— Не бойся! — ответил он на своем родном языке, который сейчас был ему более близок. — Не бойся! Я тебя не дам в обиду!

Про себя он думал: «Почему она сейчас не в Нью-Йорке, в доме на Мотт-стрит, где она была бы в безопасности?..»

После начала этих тревожных событий уже ничего нельзя было скрывать. Улицы были наполнены несчастными людьми, просящими приюта. Вся западная часть города была в огне. Джон занимался тем, что целыми ночами размещал товары в подвалах друзей, живущих на территории международных концессий. Двое суток не был он дома.

Он пришел на рассвете, взволнованный, опасаясь найти Молли напуганной, больной, может быть, даже в схватках преждевременных родов.

Войдя в квартиру, он не сразу увидел ее. Дом был полон теми обитателями китайской части города, от которых он старался держаться на расстоянии. На коврах сидели женщины, старики и дети, держа на коленях все, что им удалось захватить во время бегства. Комнаты были полны отвратительного запаха. Все эти люди подняли на него раболепные взоры, в которых читалась немая мольба.

На западе не прекращалась пушечная стрельба. Уже три дня и три ночи продолжалась эта пальба, сопровождаемая грохотом рушащихся зданий. У всех этих людей отныне не было крова.

Джон устремился в кухню, чтобы спросить служанку, где Молли.

И вдруг он увидел ее рядом со служанкой перед маленькой электрической печью, уставленной всевозможными кастрюлями. Молли казалась страшно усталой, волосы ее были растрепаны, зато глаза горели. Поверх длинной шолковой туники она надела американский передник.

— Что это? — спросил он.

— Они голодны, — сказала она, охваченная волнением. — Они сильно проголодались, бедные. Они убежали, их дома в огне.

— Мы не можем прокормить их всех.

— Почему? У нас тут всего вдоволь! — воскликнула она, с силой поворачивая полную доверху кастрюлю.

Джон колебался одно мгновение. «Тут в доме чувствуется запах, запах, свойственный простонародью... Он проник даже сюда...» Джон никогда еще не говорил жене, насколько неприятен ему запах этих людей, питающихся чесноком.

Она обернулась к нему в негодовании...

— Ты должен был бы знать, — вскричала она и тотчас же перешла на ньюйоркский жаргон, чтобы не поняла служанка,—ты говоришь, как ужасный дурак! Разве эти люди — не твои соотечественники? — и она начала переставлять кастрюли и наполнять одну за другой чашки, стоящие на столе.

— Ах, если б я знала то, что узнала после твоего ухода! — она распределяла содержимое кастрюли равными порциями.

Всякие следы утомления исчезли с ее лица точно по волшебству.

— Я старался, — сказал он медленно, — чтобы ты не видела всего этого безобразия, всех этих несчастных, живущих в грязи. И, ты знаешь, я никогда им не прощу, если от этого будет какой-нибудь вред тебе и сыну, — закончил он решительно.

Она отложила разливательную ложку и пристально посмотрела на него:

— Так, значит, Джон Дэвей Чанг, ты меня держал вдали от всего этого нарочно? Я часто спрашивала себя, почему, когда мы выходили вместе, ты всегда водил меня в кварталы концессии. Но отчего ты никогда не понимал, как я скучала?

Разливательная ложка перелетала от одной чашки к другой.

— Ты скучала?! — воскликнул он вне себя от изумления.

— Да, — живо ответила она. — Не на что было смотреть, нечего было делать. И в это самое время все эти люди...

Джон поистине перестал понимать Молли.

— Теперь все устраивается как нельзя лучше, — сказала она с удовлетворением.

— Как это так устраивается?

— Я была в нерешительности, не знала, что лучше: остаться ли здесь или вернуться в Америку...

Джон, все более и более недоумевая, смотрел на свою жену. Она рассмеялась так, как в то утро в Нью-Йорке, когда в лавке своего отца он об'яснился ей в любви.

— Какой же ты глупый! — сказала она, наклонившись над печкой. — Разве ты не видишь, что я люблю всегда что-нибудь делать? И вот теперь у меня есть занятие.

Джон начинал понимать. Они были голодны, и она думала только о том, чтобы их накормить. Они были грязны...

И в этот момент, точно читая мысли своего мужа, Молли сказала со смехом:

— А когда покушают, я выкупаю в ванне всех этих карапузов. Взрослые могут помыться поочереди сами.

Обернувшись к мужу, она спросила, проявляя живой интерес:

— Как ты думаешь, война будет долго продолжаться?

«Какое дитя, — подумал Джон. — Говорить о ваннах, когда пушечные выстрелы не прекращаются и здания в городе рушатся одно за другим. И тогда, когда никто не может сказать, чем все это кончится».

Но вслух он ответил просто:

— Я не знаю.

— Если это будет продолжаться очень долго, мы, может быть, сможем их всех вымыть,— сказала она смеясь.

— О, Молли! — воскликнул он вдруг умоляющим тоном. — Тебе лучше было бы уехать! Уехать ради нашего ребенка! Пока есть еще время. Ведь совсем неизвестно, сколько времени будет длиться эта война!

Но она прервала его и, вдруг став опять серьезной, об'явила твердо и решительно:

— Мой сын родится в этой стране, между людьми своего народа.

Потом ее голос стал обычным, веселым и живым:

— Держи, — сказала она, подавая большой поднос мужу. — Раздай чашки с рисом всем этим несчастным. И торопись, — прибавила она, — еще очень много дела ждет нас в этой стране.

Перевод с английского Б. ГЕНДЛЯР

—Держи,—сказала она,—раздай чашки с рисом всем этим несчастным...

В ДЕНЬ ДВАДЦАТИЛЕТИЯ ВЧК—ОГПУ—НКВД ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ ШЛЕТ ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКЕ И ЕЕ СЛАВНОМУ РУКОВОДИТЕЛЮ СТАЛИНСКОМУ НАРКОМУ ТОВ. Н. И. ЕЖОВУ

(Из приветствия ЦК ВЛКСМ)

НЕ ЗАБЫВАТЬ О КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОКРУЖЕНИИ!

Из речи тов. **Н. И. Ежова** на собрании трудящихся Горьковского — Ленинского избирательного округа по выборам в Верховный Совет СССР

...Не надо забывать, что наша страна находится во враждебном капиталистическом окружении, а капиталисты нам, товарищи, наших побед никогда не простят. Больше того, чем сильнее мы становимся, чем мы становимся богаче, тем больше злобы мы вызываем у оголтелой своры фашиствующей буржуазии, которая готовится к войне с нами и которая пока что засылает к нам пачками шпионов, диверсантов и вредителей. Она вдохновляет на борьбу с трудовым народом советской страны недобитые остатки капиталистических классов, мобилизуя под свои фашистские знамена жалкие остатки кулаков, уголовников и троцкистско-бухаринских выродков. Самые грязные, самые темные, самые чудовищные пакости применяет в борьбе с нами вся эта отвратительная свора троцкистско-бухаринских выродков для того, чтобы как-нибудь приостановить победоносное движение нашего народа вперед к коммунизму.

От нашего уменья распознать эти изощренные методы борьбы классового врага с нами, от нашей воли окончательно очистить советскую землю от всех этих гадов будут зависеть не в малой степени наши дальнейшие успехи. И мало того, товарищи, будет меньше жертв. От повышения нашей революционной большевистской бдительности должно будет зависеть немало наших успехов. Уроков для этого у нас больше чем достаточно. Конечно, товарищи, мы заняты были нашим мирным трудом, мы заняты были нашей великой стройкой. Мы иногда слишком увлекались нашими успехами, не видя теневой стороны нашего строительства, и, что всего важнее, не видя классового врага, который использовал наше увлечение успехами и исподтишка нам пакостил, где только мог и чем только мог.

Я хочу вам, товарищи, напомнить один жестокий урок. Три года тому назад мы поплатились головой лучшего сына нашей партии, лучшего сталинца, кристальной чистоты человека, большевика-революционера, одного из руководителей нашей партии, Сергея Мироновича Кирова.

Этого урока мы никогда не забудем.

Этой жертвы мы никогда не простим. Троцкистско-бухаринская шпионская свора за голову тов. Кирова нам заплатит дорого. *(Бурные аплодисменты.)*

(«Правда» № 339 от 11/XII 1937 г.).

Николай Иванович Ежов.

СПАСИБО, ЕЖОВ!

ДЖАМБУЛ,
народный поэт Казахстана

Расстались навеки мы с байским обманом.
Весна расцвела по степям Казахстана
Пышнее и краше былых наших снов.
Здесь все тебя любят, товарищ Ежов!
Арыки, пруды, голубые озера
К тебе обращают счастливые взоры.
Здесь каждая травка, тростник и цветок,
Снега на вершинах и горный поток,
Просторные степи от края до края
Тебя не забыли, тебя вспоминают.
Ковыль о тебе свою песню поет,
В движении ветра — дыханье твое.
Звучней водопадов, арыков чудесней
Степные акыны поют тебе песни.
И вторит народ, собираясь вокруг:
— Привет тебе, Сталина преданный друг!
А враг насторожен, озлоблен и лют.
Прислушайся: ночью злодеи ползут,
Ползут по оврагам, несут, изуверы,
Наганы и бомбы, бациллы холеры...
Но ты их встречаешь, силен и суров,
Испытанный в пламени битвы Ежов.
Враги нашей жизни, враги миллионов,—
Ползли к нам троцкистские банды шпионов,
Бухаринцы, хитрые змеи болот,
Националистов озлобленный сброд.
Они ликовали, неся нам оковы,
Но звери попались в капканы Ежова.
Великого Сталина преданный друг,
Ежов разорвал их предательский круг.
Раскрыта змеиная вражья порода
Глазами Ежова — глазами народа.
Всех змей ядовитых Ежов подстерег
И выкурил гадов из нор и берлог.
Разгромлена вся скорпионья порода
Руками Ежова — руками народа.
И Ленина орден, горящий огнем,
Был дан тебе, сталинский верный нарком.
Ты — меч, обнаженный спокойно и грозно,
Огонь, опаливший змеиные гнезда,
Ты — пуля для всех скорпионов и змей,
Ты — око страны, что алмаза ясней.
Седой летописец, свидетель эпохи,
Вбирающий все ликованья и вздохи,
Сто лет доживающий, древний Джамбул
Услышал в степи нарастающий гул.
Мильонноголосое звонкое слово
Летит от народов к батыру Ежову:
Спасибо, Ежов, что, тревогу будя,
Стоишь ты на страже страны и вождя!

С казахского перевел К. АЛТАЙСКИЙ.

А. ЯКОВЛЕВ

На Кировском заводе

Пройдитесь по Путиловскому заводу. Неплохой завод и неплохие люди работают там
(С. КИРОВ)

Его трубы и корпуса вздымаются над прибрежной равниной. Путешественники на палубах морских теплоходов, пассажиры дальних поездов, пилоты почтовых самолетов знают: если видны приветственные дымы Кировского завода, — близок Ленинград.

Издавна славен Кировский — бывший Путиловский — завод. Боевая история его тесно связана с историей большевистской партии. На Путиловском заводе сходились Ленин первые рабочие кружки. Здесь прогремели первые забастовки. Отсюда вышли первые красногвардейские отряды на борьбу с врагом, угрожавшим молодой республике...

И позже, когда, разгромив врага, страна занялась мирным трудом, исключительно велика была роль Путиловского завода в укреплении хозяйственной мощи нашей страны. Отсюда почетные потомственные пролетарии, искуснейшие мастера слесарного и токарного дела, растекались по новостройкам. Из заводских ворот выехали первые тракторы на колхозные поля...

Любимец Кирова — завод — поднял как знамя имя соратника великого Сталина. Завод был и остался крепостью большевизма. Не даром с давних пор почетное имя «путиловец» стало символом передового пролетария.

Изрядная часть рабочих любого цеха Кировского завода — молодежь. Как прожили 1937 год молодые кировцы? Такой вопрос был задан комсомольцам одного из важнейших цехов, изготавливающего штампы и приспособления для всего завода. Цех этот называется сокращенно «Шип».

Войдемте же в этот просторный цех, поднимемся на второй этаж и свернем в комнату комсорга Семенова.

Мы застаем Семенова в ответственный момент: он собрал передовую молодежь цеха, комсомольский актив. Комсорга окружают Круглов, Левченков, Рая Альтшуль, Судаков, Спиридонов, Шейхтман, Люлин, Власов и Мошкович. Он рассказывает им о жизни Михаила Ивановича Калинина и старой работницы Анны Федоровны Смирновой — кандидатов в Верховный Совет по Кировскому избирательному округу.

Вечером молодые агитаторы разойдутся по квартирам избирателей для того, чтобы агитировать за кандидатов.

Семенов был избран комсоргом цеха «Шип» тайным голосованием в августе. Юноша, никогда не бывший на руководящей комсомольской работе, стал во главе организации, насчитывавшей сто комсомольцев.

Четыре месяца работает молодой комсорг, и результаты налицо. Посудите сами: пять комсомольцев учатся в вечерних вузах и техникумах: шесть — на рабфаках; двадцать три — на общеобразовательных курсах. Семь комсомольцев — ворошиловские стрелки второй ступени. Два комсомольца недавно окончили школу летчиков и одиннадцать человек увлекаются парашютным спортом. Семь комсомольцев-допризывников успешно готовились к вступлению в ряды Красной армии; из них Степанов принят в школу связи. Сеганкевич — в отряд морской пограничной охраны, Иванилов — в химическую часть, Тараканов — в военно-воздушную.

Новый комсорг с головой ушел в комсомольскую работу — таково основное событие в его жизни за последнее время. Связанный крепкой дружбой с молодежью цеха, Семенов разоблачает врагов, чужаков, пригрелся. Недавно комсомольская организация исключила двух человек, сознательно скрывших свое происхождение.

Фото И. Гущина.

Восемнадцатилетний Федя Богданов работает на сложнейшем фрезерном станке «Келлер». Станок долгое время кочевал по разным цехам и больше стоял в ремонте, чем работал. Год назад к станку стал комсомолец Богданов. Он быстро разгадал все его секреты...

Но не только этим может гордиться Федя Богданов: в этом году он еще успешно окончил первый курс рабфака. Через два года комсомолец Богданов станет студентом машиностроительного техникума.

История Аркадия Крупенина такова: в 1930 году ему было двадцать два года, и он работал конторщиком в жакте. В том же году поступил на «Красный путиловец» и через два месяца получил квалификацию разметчика. В цехе «Шип» вступил в комсомол. Через два года Аркадий — кандидат партии и студент Политехнического института. Днем он работает, вечером учится. В прошлом году окончил Институт и получил звание технолога по горячей обработке металла. Недавно Крупенин назначен начальником цеха, куда несколько лет назад пришел конторщиком.

За несколько месяцев цех под его руководством становится на одно из первых мест на заводе. Не последнюю роль в этом сыграли вдвинутые Крупениным молодые мастера: Коля Дмитриев, Коля Сорокин, Борис Ушаков, Федор Рубин. Еще недавно все они были рядовыми рабочими, теперь — начальники смен и мастера.

В 1937 году молодому инженеру Аркадию Крупенину было поручено руководство одним из важнейших цехов Кировского завода.

В прошлом году Рая Альтшуль кончила машиностроительный техникум Кировского завода и сейчас работает конструктором цеха «Шип». Ей 20 лет. В техникум она попала сразу по окончании семилетки, а, окончив техникум, по телефону договорилась о работе в цехе «Шип». Здесь уже знали комсомолку Альтшуль: она проходила производственную практику в этом цехе. Комсомолка Альтшуль — одна из самых активных агитаторов, член агитколлектива цеха.

Летом Рая прекрасно отдохнула. По путевке, полученной комсомольской организацией, Рая побывала в туристской экскурсии на Кавказе. Впервые в жизни увидела она Черное море и об'ездила все побережье. Впечатлений столько, что и теперь еще хватает для рассказов товарищам и подругам.

Не самая большая новость в ее жизни за последний год — это изучение английского языка. Рая успешно занималась на курсах английского языка и сейчас читает и пишет по-английски.

Вероятно, лицо сидящего за столом многим покажется знакомым. Это Коля Дмитриев, новый начальник смены лекальной мастерской. Взяв один из октябрьских номеров «Правды», вы могли бы увидеть его портрет с такой подписью: «...ровесник Октября, выполняет норму на 600%...»

Второй юноша — Круглов. В октябре он вернулся из Красной армии командиром танка в свой родной цех. Танк он знает отлично, а вот тонкое ремесло шаблонщика немного забыл. Коля Дмитриев заботливо помогает товарищу. Дмитриев знает, что, если понадобится, командир танка Круглов в свою очередь раскроет ему искусство танкового бол.

Итак мы в лекальной мастерской. Лекальщиками и шаблонщиками работали обычно старые мастера. В этом ремесле требуется точность до $^1/_{100}$ миллиметра.

Не в смене Дмитриева нет ни одного старого рабочего. За «старика» у Коли Дмитриева ходит Нигматулин, которому 28 лет.

17-летним подростком окончил Коля ФЗУ. За 3 года он вырос в мастера седьмого разряда. Этот разряд дается только мастерам высшей квалификации. 20-летний комсомолец стал одним из искуснейших лекальщиков Кировского завода.

Дмитриев не помнит, конечно, как на деревообделочном Путиловце приобретала квалификацию рабочая молодежь. В лекальную мастерскую молодые рабочие попадали по особым протекциям и годами сметали тонкую металлическую пыльцу с верстаков старых мастеров. А в смене Дмитриева работают 22-летний Владимир Павлов, лекальщик шестого разряда, 20-летний Алексеев, прекрасный шаблонщик, да и всем остальным не перевалило за 25 лет. Среди них десять комсомольцев и четверо вступающих в комсомол.

1937 год ознаменовался в жизни 20-летнего рабочего Дмитриева большой новостью: он стал командиром ответственного участка производства.

Так проходит увлекательный, насыщенный день высококвалифицированной молодежи Кировского завода. А как только протрещат отбойные звонки, начинаются новые дела. Комсомолец из смены Дмитриева Судаков спешит в клуб имени Газа на репетицию. Судаков — молодой артист. Недавно он впервые вышел на сцену, исполняя роль красноармейца в пьесе «Семья Волковых».

Спешит домой Валя Сергеева — комсомолка-токарь. Три месяца назад у нее родился сын Шурик. Большой заботой окружили комсомольцы Валю. Сколько было поздравлений, сколько дружеских визитов! Валя кончает работу на час раньше гудка и спешит домой кормить сына. Шурик ждет мать...

(Окончание на стр. 21).

Живи

За Невой, взяв разбег на Кировском мосту, начинается проспект Кирова — красивейшая улица Ленинграда. Тут же, за мостом, среди густых деревьев парка стоит двухэтажный особняк, принадлежавший до революции царской фаворитке балерине Кшесинской. Сюда апрельским вечером 1917 года приехал с Финляндского вокзала товарищ Ленин.

Здесь помещался Петроградский комитет партии в горячие предоктябрьские дни. В этом доме товарищ Сталин сколачивал боевые отряды.

В доме этом — чья история так тесно связана с Октябрем — создается музей пламенного трибуна Октябрьской революции — Сергея Мироновича Кирова.

Трудно назвать этот дом музеем. В комнатах этого особняка мы ощущаем присутствие живого Сергея Мироновича. Вот он перед нами, оживленно беседующий с рабочими, произносящий пламенную речь, шагающий по заводским цехам, беспощадно громящий врагов партии...

Шесть комнат первого этажа — комнаты юноши Кирова, Кирова — коммуниста-подпольщика, Кирова — организатора социалистической революции на Кавказе.

Глухой городок Уржум. В стороне от железной дороги, среди болот, разбросаны бревенчатые домишки. В одном из них родился Сережа Костриков.

Вот ученик Казанского технического училища Сергей Костриков. Открытый, прямой, смелый взгляд. Лицо юноши выражает твердость, независимость, упорство, благородство — черты, отличавшие Сергея Мироновича на протяжении всей его жизни.

Эта жизнь исполнена суровой борьбы.

В 1910 году Киров живет во Владикавказе, скрываясь от охранников и жандармов. Он внимательно изучает неведомый ему край, ходит в далекие аулы, беседует с горцами.

В первые же дни февральской революции Сергей Миронович сколачивает в Терской области крепкую большевистскую группу. Он ведет борьбу с меньшевиками и эсерами, которые пытались использовать застарелую национальную вражду между племе-

Ученик Казанского технического училища (1904 год).

Профессиональный революционер-подпольщик (1910 год).

Выдающийся партийный и государственный деятель (1926 год).

...ой Киров

нами для своих контрреволюционных целей.

Это были дни, полные боевого напряжения. Образ большевистского вожака С. М. Кирова навсегда запечатлелся в народном эпосе ингушей, осетин, чеченцев и грузин.

Весной 1918 года партия бросает Кирова на другой участок фронта, в Астрахань. В этом важнейшем стратегическом центре Киров организует отпор казацкой контрреволюции. На судах волжской флотилии Киров принимает участие в боях с кораблями интервентов.

В 1921 году Киров избран секретарем ЦК компартии Азербайджана. Он обеспечивает в Азербайджане проведение ленинско-сталинской национальной политики и восстанавливает нефтяные промысла.

И вот, наконец, Ленинград, куда в 1926 году партия посылает Кирова громить зиновьевское охвостье. Всю силу своей большевистской непреклонности, весь огонь своего ораторского таланта отдал Киров для того, чтобы сорвать маску с зиновьевских бандитов. Под его руководством Ленинградская партийная организация разгромила жалкую кучку зиновьевцев.

Киров руководит реконструкцией сельского хозяйства области, ведет бои за первую пятилетку, заботится о молодежи и новых кадрах, бросает на завоевание Севера целую армию ученых и строителей.

Всю жизнь шагал Киров в ногу со Сталиным. Он был верным помощником, учеником и другом великого вождя народов.

«Трудно представить себе фигуру этого гиганта, каким является Сталин,—говорил Киров, выступая на V областной ленинградской партконференции в январе 1934 года.—За последние годы, с того времени, когда мы работаем без Ленина, мы не знаем ни одного поворота в нашей работе, ни одного сколько-нибудь крупного начинания, лозунга, направления в нашей политике, автором которого был бы не товарищ Сталин, а кто-нибудь другой».

Все семь комнат второго этажа посвящены жизни Кирова в Ленинграде. Здесь мы увидим Кирова в рабочей обстановке и Кирова на отдыхе.

В музее Кирова будут собраны ценнейшие документы и реликвии: оригиналы и фотокопии его статей, его письма, его партийный билет, его ордена. Здесь мы увидим вещи Кирова: кожаную его тужурку, в которой он прошел гражданскую войну, портсигар, пенсне, коробку для махорки, вечное перо.

Здесь будут собраны также портреты и фотографии Кирова, картины и скульптуры, запечатлевшие для народа его образ.

Мир был потрясен страшной вестью об убийстве Кирова троцкистско-зиновьевской фашистской бандой.

Одна из комнат музея будет занята многочисленными фотографиями, траурными газетами, листовками и другими документами, показывающими скорбь и гнев трудящихся, узнавших о злодейском убийстве Мироныча.

Организаторы Кировского музея знают, что собрать все, связанное с биографией Сергея Мироновича, невозможно. Живой образ Кирова—это Ленинград с его заводами, хмурый Север с городом Кировском, нефтяные вышки Баку, ингушские аулы. Все это Киров, но всего этого в Кировском музее собрать нельзя.

В дом Кирова с волнением войдет каждый, кто любит и помнит Мироныча. А любит и помнит его вся наша страна.

В. З.

Товарищи Ворошилов и Киров на Беломорканале (1933 год).

Товарищи Сталин и Киров (1930 год).

НА КИРОВСКОМ ЗАВОДЕ

(Окончание)

Вера Рабкина, комсомолка-техник, спешит на занятия в Военно-механический институт. Окончив машиностроительный техникум, Вера решила продолжать свое образование.

Институт требует много времени, но Вера добивается, чтобы это не отражалось на ее производственной и комсомольской работе. Вера редактирует «Молодняк», боевую газету цеха, разоблачающую головотяпов, лодырей и врагов.

В этом году 23-летняя комсомолка Вера Рабкина перешла на третий курс Военно-механического института.

Перед вами «авиационный экипаж» цеха «Шип». Он занят разборкой старого мотора «Фиат». Слесарь Савинов (слева) сдал осенью государственный экзамен на звание летчика; комсомолец Валентин Абрамов получает в этом году звание авиотехника.

Абрамов тоже хотел стать летчиком, но ему не удалось осуществить свою мечту: девять раз проходил он врачебную комиссию, и все девять раз врачи находили в его здоровье различные дефекты, мешающие вести самолет. Что ж, Абрамов будет пока авиотехником...

Так или иначе, Савинову и Абрамову, которые сумеют отныне самостоятельно пролететь по любому маршруту, 1937 год принес большую и заслуженную радость. Шутка сказать: «авиационный экипаж» цеха «Шип»!

Мы прошли с вами по Кировскому заводу и побывали в одном из его цехов.

Мы бегло познакомились с жизнью молодежи цеха... Аркадий Крупенин, ставший из конторщика инженером и начальником цеха; комсорг Семенов, разоблачающий врагов и воспитывающий молодежь; Коля Дмитриев, в 20 лет освоивший высокое искусство лекальщика; Вера Рабкина, успешно сочетающая работу и учебу... Но разве их товарищи по цеху, по заводу, разве все молодые граждане нашей страны не живут столь же содержательно и хорошо?

А в это время молодежь Германии, Италии, Польши и других фашистских и нефашистских капиталистических стран мечется в поисках выхода. Как найти свое место в жизни? Ты работаешь еще сегодня, но завтра над тобой нависает призрак безработицы. Внезапно оказывается, что ты не имеешь права на жизнь.

Еще вчера ты учился, выбиваясь из сил для того, чтобы внести плату за учение, а сегодня, получив, наконец, долгожданный диплом, ты узнаешь, что вместе с этой бумажкой ненужен никому. Нет тебе работы.

Сегодня ты еще здоров и держишься на ногах, но завтра тебя свалила болезнь, и тебе никто не оплатит ни доктора, ни лекарства, и хозяин не станет ждать твоего выздоровления: ведь у ворот ждут тысячи других, готовых занять твое место.

И вот бродят по городам и дорогам Запада толпы молодых безработных. Кадры будущих самоубийц и арестантов.

Советская молодежь, счастливая и свободная, помнит о своих зарубежных сверстниках, следит за их жизнью, за их борьбой.

Несколько лет назад Сергей Миронович Киров в одной из своих речей говорил: «Скажем, наука о сопротивлении материалов — это крайне необходимая наука. Но мы ни на одну минуту не должны забывать, что мы живем в такой обстановке, когда та наука, которая изучает сопротивление противостоящих нам классов внутри страны и за ее пределами, — эта наука должна занимать первое место».

Эти слова помнит советская молодежь. Юноши и девушки, изучающие сопротивление материалов, получающие дипломы техников и инженеров, не забывают о капиталистическом окружении нашей страны и об остатках враждебных классов внутри нее.

Нет на Кировском заводе ни одного комсомольца, ни одного беспартийного молодого рабочего, который бы не занимался в кружках истории партии, в семинарах, не посещал бы лекций по истории большевизма. И эта учеба подкрепляется общественной деятельностью молодых кировцев. По заданиям партии и комсомола, они ведут работу агитаторов, беседчиков, а некоторые из них самостоятельно ведут политические кружки.

Молодые кировцы не забывают, что их счастье добыто отцами в жестоких, упорных боях за дело Ленина — Сталина. Они активно участвовали в предвыборной кампании. Они раз'ясняют избирателям значение гигантских побед социализма, записанных в Сталинской Конституции. Они воспитывают в коммунистическом духе своих младших товарищей и вовлекают их в комсомол.

На фото (слева направо) недавно принятые в комсомол молодые рабочие цеха: Мезурин, Николаев, Филиппов, Калинина, Ковшов, Качаев, Спирин.

И им тоже год Сталинской Конституции принес много нового и радостного. Еще недавно воспитанники ФЗУ, сейчас они рабочие, члены Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи.

Б. ШИПЕРОВИЧ

ПИСАТЕЛЬ-БОЛЬШЕВИК

(Воспоминания об Н. А. Островском)

Впервые я встретился с Николаем Алексеевичем Островским у него на квартире в начале 1936 года. Николай Алексеевич решил собрать себе хорошую библиотеку. Меня просили помочь ему в этом деле.

В комнате, застланной ковром, завешенной шторами и портьерами, было тихо. Мне казалось, что с Островским трудно будет разговаривать. Я с большим волнением ожидал начала беседы.

Совершенно неожиданно для меня Николай Алексеевич заговорил громким, бодрым голосом.

Мне казалось, что разговор сразу зайдет о библиотеке. Каково же было мое удивление, когда Николай Алексеевич принялся расспрашивать о моей жизни и работе. Я еще не знал тогда, что Островский прежде всего — чуткий и отзывчивый товарищ, которого интересует каждый человек. Он уловил мою растерянность и заговорил особенно задушевно, с исключительной сердечностью.

Он спросил, какие книги вышли за последние восемь—девять месяцев. Я назвал 50 наиболее интересных, не желая загружать память Николая Алексеевича второстепенными. Большинство названных мною книг он знал. О каждой книге, о каждом авторе он имел твердое мнение. Когда я назвал книгу Хэмингуэя, он насторожился и обрушился на Хэмингуэя с резкой критикой. Он сказал: «Я признаю за ним уменье блестяще строить диалог, остро изобличать капиталистический мир, но что может взять у него наша советская молодежь, которая должна учиться строить железные дороги, летать на самолетах, изучать технику? Не переношу писателей, которые копаются в опустошенной душе человека, попавшего в щупальца капиталистического мира». И он указал на ряд других писателей: Цвейга, Ремарка и прочих, рисующих, каждый по-своему, идейную нищету и жалкое прозябание своих героев.

Сверх пятидесяти названных мною книг Островский назвал еще несколько, которые я пропустил. В частности он удивился, почему я не упомянул книги такой талантливой писательницы, как Пэрл Бак («Мать», «Земля» и «Сыновья»).

Уже тогда я заметил, какую массу различных вопросов вмещает память этого человека, сколь необычен его ум и как любит Островский книги.

Николай Алексеевич просил не забыть включить в список издания серии «Всемирная литература»: он считал эту серию очень ценной и хорошо подобранной.

Об отдельных книгах и авторах мы поспорили. Цвейга, например, он ни за что не желал иметь в своей библиотеке. Ремарка же считал необходимым приобрести. Просил достать ему Клаузевица «О войне», Дельбрюка «Историю военного искусства» и ряд других теоретических военных работ. Литературу о гражданской войне Николай Алексеевич знал прекрасно: он специально изучал этот вопрос.

Особенно интересовали его книги о военных действиях против белополяков и о походе Первой Конной армии.

С неподдельным восторгом и под'емом говорил он о Первой Конной и о маршале Советского союза тов. Буденном.

«Как досадно, — говорил Николай Алексеевич, — что я не имею возможности написать о нем книгу. Ведь сколько людей воспитывалось бы на книге подвигов этого талантливого полководца».

Из русской классической литературы Островского в первую очередь интересовали произведения Салтыкова-Щедрина, Пушкина, Чехова, Гончарова. Горький у него был, Достоевского он не пожелал иметь.

Из мировых классиков он очень просил достать Байрона в издании Брокгауза и Ефрона, Шекспира, Шиллера, Гейне, Мольера и Гете.

Николая Алексеевича интересовала не только классическая, но и приключенческая литература. Он просил приобрести ему сочинения А. Дюма, Р. Хаггарда, Свифта, Конан-Дойля. Он говорил, что его интересует в этих книгах искусство увлекать читателя фабулой, сюжетом.

Я спросил о романах Жюль Верна. И тут лицо Островского озарилось чудесной улыбкой. Очевидно, он вспомнил о далеком детстве, когда украдкой от всех на кухне станционного буфета читал Жюль Верна. Вспоминал он, вероятно, и то, с какой завистью смотрел когда-то на библиотеку адвоката Лещинского.

Н. А. Островский.

Николай Алексеевич просил меня также в кратчайший срок приобрести полное собрание сочинений Сенкевича. Он любил этого писателя, восхищался его уменьем создавать типичные образы поляков. В свое время Николай Алексеевич прочел все книги Сенкевича, сейчас они были нужны ему для справок.

Первая беседа с Николаем Алексеевичем продолжалась четыре часа. Стемнело, Островский попросил зажечь свет, но разговор о книгах не прекращался. В другой комнате его ждали товарищи, родные напоминали ему об обеде, но он ни о чем другом не хотел думать.

Неоднократно обращался он ко мне с вопросом, не устал ли я.

Уходя, я обещал Николаю Алексеевичу быть у него снова через два дня с подробным, дополненным списком.

Но уже на следующий день раздался звонок, и меня предупредили, что со мной хочет говорить Островский. Тепло поздоровавшись, он напомнил, что завтра я должен быть у него, и спросил, приступил ли я к составлению полного списка.

И позднее мне не раз случалось замечать, что Николай Алексеевич не терпел, когда что-нибудь делалось медленно, звонил, напоминал, торопил. Просто удивительно, как этот прикованный к постели человек заражал всех своей энергией, своим уменьем быстро выполнять всякое начатое дело.

Когда в назначенный срок я пришел со списком, у Николая Алексеевича уже лежали книги, доставленные из магазина. Он был очень рад, что дело с библиотекой подвигается быстро. Как и в первый раз, он встретил меня просто и дружески, рассказал, что работал почти всю ночь.

Я прочитал ему список. В него вошли книги Бальзака, Стендаля, Мопассана, Флобера, Золя, А. Франса, Диккенса, Уэллса, Э. По, Р. Роллана, Рабле, Сервантеса, Боккачио и др. Мне казалось, что список полный, но Николай Алексеевич сказал, что, по его мнению, я мало уделил внимания французским писателям. Удивился, почему я не включил в список произведения П. Мериме, Гонкуров, А. Додэ. Просил назвать еще других французских писателей. Я указал на Анри де Ренье и Жюль Ромэна. Но ни того, ни другого Николай Алексеевич не захотел иметь. Он просил включить книги Рэне Марана: «Джуму», «Роман негра» и «Батуалу», — Мультатули «Макс Хавелар» и Пьера Лоти, причем Николай Алексеевич предупредил меня, что его интересуют те романы Лоти, в которых описывается жизнь колоний, в частности «Роман одного спаги».

Значительно меньше труда потребовалось для собирания книг по истории партии и ленинизму. Книги Ленина и Сталина были давно приобретены Островским и стояли в шкафу у его постели. Часто обращался он к ним.

Трудно сейчас рассказать о всех беседах с Николаем Алексеевичем. Много говорил он о советской литературе, о том, что некоторые молодые писатели, выпустив книгу, «зарываются», и это их губит; говорил о зазнайстве, самовлюбленности... Говорил с чувством боли и горечи. Приводил примеры из жизни классиков, восхищался их знанием эпохи, культурой языка, уменьем терпеливо и много работать.

Библиотека Островского росла с каждым днем. Уже некуда было ставить книги, пришлось заказывать новые книжные шкафы. Николай Алексеевич вникал и в это дело, сам давал указания, какой именно нужен шкаф, причем детально предусматривал все — от величины полок до толщины стекла.

Когда шкафы были готовы, все книги Николая Алексеевича были занесены в специальную картотеку и в самом точном алфавитном порядке, по библиотечной классификации, расставлены по полкам.

Для Николая Алексеевича этот день был праздником. Он много говорил о своей библиотеке и спрашивал мнение о ней у всех близких.

Я уже говорил об исключительной памяти Николая Алексеевича. Он не только знал все свои книги, но знал, где, на какой полке стоит любая из них, каких томов у него еще не достает.

В день его от'езда в Сочи я зашел к нему попрощаться. Часть книг Островский брал с собой в Сочи, так как там у него тоже собиралась, как называл он, «сочинская библиотека».

Он просил писать ему и направлять в Сочи интересующие его книги. Завязалась переписка. Книги я ему отправлял по почте.

Возвратившись в Москву, Николай Алексеевич немедленно пригласил меня к себе. Снова мы с ним очень долго беседовали, теперь уже на всевозможные темы.

Его очень волновали события в Испании. С негодованием говорил он о врагах народа, банде троцкистских убийц.

Затем Николай Алексеевич поделился соображениями по поводу своего нового романа «Рожденные бурей». Требовательный к себе, он не хотел издавать роман до тех пор, пока хорошенько его не отшлифует.

Больно сознавать, что эта книга вышла уже тогда, когда перестало биться сердце этого мужественного писателя-большевика.

ШОТА РУСТАВЕЛИ. *Портрет работы художника И. Тоидзе.*

Валериан ГАПРИНДАШВИЛИ

РУСТАВЕЛИ

Твоя судьба подобна тариэлевой.
Ты скрылся от людей, как дивный витязь.
Идут века, но им молчать повелено.
Напрасно ждем, преданьем не насытясь.

Минуло семь столетий с половиной,
А жизнь твоя, как сказка, заколдована,
И только песня катится лавиной,
И давит нас раскатами годов она.

Любовный пыл твоих героев пламенных,
Рычанье львов, рычанье рыжих тигров
Навеки врезаны на свитках каменных,
Как некий прочно выбранный эпиграф.

Вот Дареджан в Каджетской башне черной,
Вот эфиопы мчатся в челнах парусных,
Павлины рифм с расцветкою узорной
Крича взлетают в сочетаньях яростных.

Слова текут рубинами, сапфирами,
Как Шермадина, ты рассыпал их щедро.
Мы заново узнали их и вырыли,
Киркой ломая вековые недра.

Но что за демон, что за недруг мощный
Сжигал тебя любзанием неведомым?
Быть может, с ним порою полунощной
В дремучей чаще Тариэль беседовал?

Твоих героев странствие все тянется.
Для их путей бессмертие возможно.

И навсегда письмо Нестан останется,
Как крик души, младенчески тревожный

Ты подружил бездомных побратимов,
Ты увенчал их молодые головы
Венцами верности неотвратимой,
Очарованьем дружества веселого.

Ты шел кругами ада и чистилища.
Твои следы по всей земле горели.
И эта удивительная силища
Затягивала раны Тариэля.

Ты за него пылал свечой нетленной.
Ты бил его слезами. И поэтому
Столь беззакатно блещешь во вселенной
Над странами, столетьями, поэтами.

Ты Грузия. Ты путь ее осознанный.
Твое названье к солнцу вознесли мы.
Не знаем, где истлел ты, неопознанный,
Но голос твой звучит неодолимо!

И если бы ты ожил в наши годы,
С каким подъемом похвалу бы выковал
В честь мудрого строителя свободы,
Вождя народов Сталина великого!

Так радуйся! Невольники вчера еще,
Мы ожили. Нас кандалы не давят.
Ты не найдешь Картвели умирающей.
Тебя народы чествуют и славят.

Перевел с грузинского П. АНТОКОЛЬСКИЙ

Е. СИКАР

Певец героической дружбы

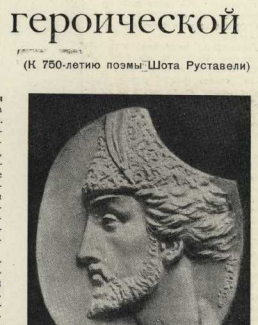
(К 750-летию поэмы Шота Руставели)

Страна празднует 750-летие произведения величайшего поэта, гениального мастера художественного слова Шота Руставели. Новые русские переводы бессмертной поэмы-романа «Витязь в тигровой шкуре», многочисленные переводы на языки народов СССР, научно-исследовательские и литературные работы и монографии о жизни, эпохе и творчестве Шота Руставели делают великого национального грузинского поэта доступным и близким для миллионов трудящихся Союза. Юбилей родоначальника грузинской поэзии Шота Руставели — культурный праздник всех советских народов, спаянных нерушимой сталинской дружбой.

Шота Руставели родился и творил в ту знаменитую эпоху грузинской истории, когда прогрессивные силы страны одержали победу над реакционными, феодально-церковными кругами. Торжество прогрессивных элементов грузинского феодального общества сопровождалось пышным расцветом культурной, экономической и политической жизни страны.

К началу поэтической деятельности Руставели—1187 году—Грузия освободилась от иноземного владычества, от многочисленных тиранов и вступила на путь мирного развития. Это была эпоха Возрождения грузинской культуры — «золотой век».

При пышном дворе царицы Тамар (1184—1212) расцветали светская изящная литература, лирическая поэзия, все виды искусств. Творческое взаимодействие трех культур: арабской, персидской и византийской; быстрое возрастание государственной мощи и экономическое благосостояние страны,— способствовали освобождению умыслы грузинского народа от



Шота Руставели. Скульптура Николадзе.

цепей средневековья. Грузия положила начало мощному культурному движению, известному в Европе под именем Возрождения, причем Грузия опередила Европу на несколько столетий.

XII—XIII века в Грузии — эпоха деятельности славной плеяды писателей, философов, историков, художников, зодчих, переводчиков, создавших произведения высокого художественного мастерства. Все дошедшие до нас памятники древнегрузинского искусства свидетельствуют об исключительной его самобытности, о размахе и глубине творческих замыслов, о совершенстве выполнения.

«Золотой век» Грузии был ознаменован литературной деятельностью целой группы талантливых писателей и поэтов. В числе их можно назвать романистов Мойсея Хонели и Саргиса Тмогвели и поэтов Чахрухадзе, Шавтели. Величайшим представителем этого поколения был Шота Руставели. Грандиозная его поэма «Витязь в тигровой шкуре» — лучший памятник «золотого века».

* * *

Мы очень мало знаем о жизни Шота Руставели. Нам точно неизвестны ни год рождения, ни год смерти великого грузинского поэта. Столетия унесли с собой тайну его жизни и, возможно, ряд его произведений. Весьма вероятно, что многие литературные и исторические документы погибли во время нашествия орд Чингисхана, разгромивших и расхитивших культурные ценности Грузии. «Золотой век» Грузии продолжался недолго.

Единственным, более или менее достоверным источником изучения жизни Шота Руставели является его поэма «Витязь в тигровой шкуре».

В заключительных строфах поэмы Руставели говорит, что написал эти песни «весх безвестный из Рустави», т. е. житель Ахалцихской провинции (Месхети), бывшей в то время од-

Миниатюра XVII века к рукописному экземпляру «Витязя в тигровой шкуре».

ной из культурнейших областей Грузии. Подтверждение этого факта мы находим во вступлении и эпилоге поэмы.

В прологе встречается прямое указание, что поэт, восхваляющий царицу Тамар «песней сладостно звучащей», — ее современник:

«Воспоем Тамар, чей облик не изгладится во взорах
И кому из слов высоких я уже сплетал венок;
Мой тростник-перо поили черных глаз ее озера —
Пусть сердца произнесет песня, как отточенный клинок» [1].

Так устанавливается время, когда жил Шота Руставели. Правильность догадки подтверждается фразой эпилога, где Руставели говорит о своих современниках:

«Амирана сладкозвучно пел Мосе из Хони родом,
Абдул Месию — Шавтели славил мастерским стихом,
Диларгета пел Тмогвели, чьи не иссякали оды,
Тариэла — Руставели, горько плачущий о нем!..»

О Руставели сложено множество легенд. Шота Руставели — любимейший герой грузинского фольклора. Народные, изустные предания повествуют о его рождении, детстве, отрочестве и юношестве, воспитании и образовании. Так широко популярен поэт в грузинском народе.

В преданиях рассказывается, что Шота рано остался сиротой. Для-монах отдал его в ртстанскую церковную школу, откуда мальчик был вскоре переведен в тберское монастырское училище. Побывав в двух известных учебных заведениях Грузии, в Греми и Икалтойской академии (в Кахетии), основанных при царе Давиде Возобновителе, Руставели завершил свое образование в Греции.

[1] Новый русский перевод Г. Цагарели.

В афинской грузинской семинарии, куда посылали учиться избранную грузинскую молодежь, Руставели в совершенстве изучил греческий язык и философию, а также углубил свои знания персидского и арабского языков.

Возвратившись на родину, Руставели всецело посвятил себя литературной деятельности. Его стихотворения и оды привлекли внимание молодой царицы Тамар, назначившей Руставели своим казнохранителем и придворным поэтом. В этот период Шота Руставели написал великую свою поэму «Витязь в тигровой шкуре». Поэма читалась впервые в присутствии Тамар и ее вельмож. Руставели, осыпанный похвалами, получил в дар золотое перо.

Легенда рассказывает, что Шота Руставели полюбил свою покровительницу. Это будто бы вызвало гнев царицы — поэт попал в опалу и вынужден был бежать из Грузии.

По другим версиям, по-видимому более близким к истине, причиной изгнания Руставели была ненависть к нему духовенства, возмущенного независимым образом мыслей поэта и полным его вольнодумством в религиозных вопросах. Этим можно об'яснить замалчивание имени и творчества Шота Руставели современными ему историками духовного происхождения.

Слава пришла к Руставели спустя столетия после его смерти.

Начиная с XV века имя Руставели упоминается всеми грузинскими писателями и поэтами...

Афоризмы, изречения и метафоры Руставели сделались бессмертными образцами стихотворной речи. Герои поэмы стали достоянием фольклора, о каждом из них сложено бесчисленное количество сказаний. Возникли народные варианты сюжета «Витязя в тигровой шкуре».

Поэма Руставели близка нам своей оптимистической, жизнеутверждающей силой. Руставели — гуманист и оптимист, провозглашающий победу человеческого разума, верящий в торжество добра и счастья.

«Витязь в тигровой шкуре» — поэтический рассказ о человеческой дружбе, любви и верности. Поэт воспевает сильные, целеустремленные страсти, показывает напряжение борьбы героев, утверждающих свободную, радостную жизнь и стремящихся к счастью.

Борьба этих героев олицетворяет борьбу грузинского народа против иноземных поработителей.

Великий грузинский поэт Руставели ярко выразил дорогие народу идеалы, глубочайшие народные эмоции и стремления.

Нас пленяют пламенные образы героев поэмы — Тариэла, Автандила, Фридона, Нестан-Дареджан, Тинатин.

Каждый из этих героев является носителем лучших человеческих качеств. Лейтмотив поэмы — всепоглощающая сила дружбы и любви, ради которых герои идут в бой, проявляя величайшую самоотверженность. Эпическое произведение Руставели — героический гимн мужеству, добратитму, любви, добру и красоте.

Будучи одним из образованнейших и умнейших людей своего времени, Шота Руставели был чужд узкого национализма. В его поэме показаны высокие образцы бескорыстной дружбы не только между сородичами и соплеменниками, но и между представителями различных национальностей.

С необычайной силой психологического проникновения рисует Руставели образцы героической дружбы.

Дружба соединяет Тариэля, Автандила и Фридона для совместной борьбы против врагов; дружба поддерживает их во время горя и печали. Глубоко волнуют слова Руставели о дружбе:

«Надо другу ради друга не страшиться испытаний,
Сердцем быть созвучным сердцу и мостить любовью путь.
Любящий поймет влюбленных, измеренных от страданий,
А без друга жизнь не радость, как сладка она ни будь!

Верность другу в испытаньях быть должна неколебимой,
Кто двуличен и неверен, — повергает в гнев творца.
Разлучен я с побратимом, и душа неутолима,
Исходя в скорбях, рыдая и взыскуя без конца!»

Как будто сегодня написаны мудрые слова:

«Слов не хватит песнопевцу, чтоб воздать хвалу вазиру,
Чьи дела с неколебимым словом связаны всегда.

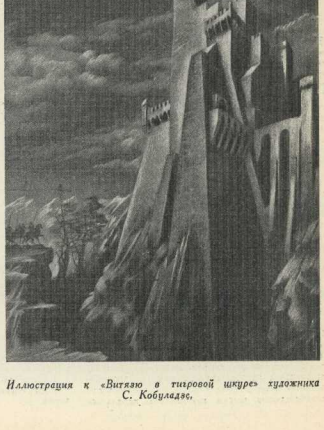


Иллюстрация к «Витязю в тигровой шкуре» художника С. Кобуладзе.

Тариэль в битве с хатайцами. С рисунка И. Тондзе.

Борьба Тариэля с тигром. С рисунка И. Тондзе.

Надо жизнь отдать за ближних, бросив
вызов даже миру.
Познаем друзей и близких в час, когда
грозит беда».

Афоризмы Руставели свидетельствуют о богатстве духовного мира его героев, об их интеллектуальной и эмоциональной глубине. Шота Руставели поднял идею дружбы и побратимства на небывалую высоту:

«...Не забуду друга, помню, что измена
дружбе значит.
Я дождусь его, хотя бы очи выжгла мне
печаль.
...Мне принять за ближних гибель — все
равно что песню спеть».

Характерно следующее место поэмы. Один из ее героев, Автандил, только что отпраздновал свою свадьбу с любимой Тинатин. Его друг Тариэль отправляется в поход. Предательность Тариэлю заставляет Автандила пренебречь личным счастьем, и он тоже торопится в путь. Обращаясь к Тариэлю, он говорит:

«Если ты один уедешь, обратят ко мне
упреки:
«Женщину любя, нарушил дружества свя-
той обет».
Разлучен с тобою, буду проклинать удел
жестокий.
Кто в беде покинул друга, сам узнает го-
речь бед!»

В грузинском народе широкое распространение получило мудрое изречение Руставели: «Льву во всем подобен львенок, будь то самка иль самец». Женщины в поэме Руставели отличаются высокими интеллектуальными и моральными качествами: волей, мудростью, независимостью. В поэме даны высокохудожественные образы жизнерадостных, смелых, решительных женщин, не уступающих мужчинам ни в храбрости, ни в мудрости и действующих с ними рука об руку.

Главная героиня поэмы — Нестан-Дареджан, томящаяся в мрачном и неприступном замке Каджетской крепости за то, что посмела выступить против порабощения своей родины чужеземным царем. Нестан-Дареджан—образ высокой духовной силы, самообладания и спокойствия. В одиночестве и тоске по любимому, она тревожится за судьбу своей страны, стонущей под тираническим игом. Величие ее характера показано в ее письмах к возлюбленному Тариэлю. В одном из этих писем, проникнутых поразительной силой чувства, Нестан-Дареджан говорит:

«...Видишь, милый, что творится! Сколько
в мире горькой были!
Как бы ни сияло солнце, мне не может
быть светло.
Мудрецы, познав земное, жизнь не даром
осудили.
Мне не выразить словами, как в разлуке
тяжело.

Нас оторгли друг от друга мир глухой и
злое время.
Мне не суждено увидеть радость на лице
твоем!
Я тебе открыла тайну, мною скрытую пред
всеми:
Как же быть, о милый, с сердцем, ране-
ным твоим копьем?..

Я живу твоей любовью, и других надежд
не надо
Мне, испепеленной жизнью, полной горя
и невзгод.
В подневольном заточенье ты один — моя
отрада,
И любовь, не умирая, в сердце, как цве-
ток, цветет...

Не отчаивайся, милый, и не изнывай в
разлуке!
Я не расцвету, как тополь, никогда в чу-
жом саду.
Без тебя не будет жизни, обреченной веч-
ной муке, —
С башни брошусь я на скалы или на клинок паду...»

И Нестан-Дареджан и Тинатин активно участвуют в борьбе своего народа против угнетателей, помогают своим возлюбленным во многих опасных мероприятиях, вдохновляют на подвиги. Но они умеют также наслаждаться жизнью и земными благами. Личное счастье, любовь, которой посвящено столько возвышенных строф поэмы, лишены у Руставели сантиментальности или тупой чувственности. Любовь в поэме показана как светлое, гармоничное, всепобеждающее чувство. Личные чувства неотделимы от общественных. Так Нестан-Дареджан призывает Тариэлю освободить страну от врагов:

«Ни отчаянье, ни слезы не дают влюблен-
ным славы!
Лучше подвигом отважным докажи, что
верен мне.
Вероломство замышляют наши данники-
хатавы,
Можем ли простить измену возмутившейся
стране!..

Слушай искреннее слово: за кичливые
угрозы
Наказав страну хатавов, возвращайся, как
герой.
Не рыдай! От долгих ливней лепестки те-
ряет роза.
Я хотела бы, как солнце, в сумрак твой
войти зарей».

Автандил, возлюбленный Тинатин, по ее просьбе, покидает родину и, рискуя своим счастьем и благополучием, более двух лет самоотверженно ищет таинственного витязя в тигровой шкуре.

Руставели можно смело назвать первым бойцом за освобождение грузинской женщины: он выступил провозвестником и защитником равноправия женщин, провозглашая новую, высшую мораль, новые отношения к женщине.

«Витязь в тигровой шкуре» — книга жите-

ской мудрости, высокий нравственный кодекс, сокровище ума народного.

Руставели выступает против лжи, двоедушия, двурушничества, против алчности и скупости, против низменных страстей и устремлений. В Грузии широко известны его афоризмы:

«Для мужчин позорна трусость, женщин блуд роняет в грязь».

«Не дается тем победа, кто *от клятвы* отступил».

«Вероломному и злому сердце пусть пронзит кинжал».

«Отдаваясь вожделению, обратишься в жалкий прах».

«Что раздашь,— твое, что скрошь,— то потеряно навек».

«Лучше имя возвеличить, чем копить добро в дарах».

Героям бессмертной поэмы Руставели чужды пассивность и рабская подавленность, покорность судьбе.

Руставели признает смелым и достойным хвалы того, кто идет наперекор судьбе, противопоставляя ей разум и волю. Не даром Руставели пишет: «Надо жить во имя жизни, за живущих жизнь отдать!»

* * *

Шота Руставели любил свою родину, свой народ и ярко описывал его жизнь и быт, его моральные и интеллектуальные качества.

Художественные образы поэмы всем своим существом глубоко национальны, они отражают национальные черты грузинского народа, верны его морали, его традициям, но вместе с тем образы эти глубоко интернациональны, общечеловечны. Руставели не только выражал идеи, настроения и эмоции современной ему эпохи — одного из интереснейших периодов многовековой истории грузинского народа,—но и перерос это время, поднявшись в своем творчестве до идей, созвучных человеку социалистического общества.

Поэт поражает многогранностью знаний. Поэма свидетельствует, что Руставели был не только великим мастером слова, но и крупнейшим просветителем народа, философом и ученым.

В редких из классических художественных произведений прошлых веков действие развертывается на такой огромной площади, как в поэме «Витязь в тигровой шкуре». В поэме описывается жизнь народов разных стран—от Китая до Гибралтара. В творении Руставели упоминаются Аравия, Индия, Китай, Египет, Рим.

Грузинский поэт широко и всеобъемлюще знал свет, был знаком со всеми литературными богатствами и передовыми течениями средневекового мира. Об исключительной эрудиции Руставели можно судить и по множеству сложных научных, философских понятий и цитат, рассыпанных в тексте «Витязя в тигровой шкуре».

* * *

Великий грузинский гений вошел в нашу социалистическую современность, где расцвела подлинная человечность, где дружба и равенство народов, счастье и мужество человека стали законом жизни. Руставели вошел в нашу действительность как живой современник, как согражданин, как великий поэт, творчество которого стало золотым фондом социалистической культуры.

Руставелевские торжества проходят в нашей стране с огромным размахом. Особенно широко отмечается знаменательный юбилей на родине Шота Руставели — в Грузии.

В Тбилиси состоится специальный пленум правления Союза советских писателей, посвященный творчеству Руставели. Грузинские ученые и литературоведы выступят в юбилейные дни с докладами на темы: «Руставели и современность», «Руставели и его поэзия», «Материальная и интеллектуальная культура Грузии в эпоху Руставели» и др.

Граждане Страны советов находят в поэме Руставели близкие и дорогие им мысли и чувства, которые вдохновляют их в повседневном героическом и счастливом труде. Творчество Руставели наполняется новым и великим смыслом: оно духовно обогащает нового человека, оно плодотворяет культуру освобожденного человечества.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

МИНИАТЮРЫ

МАЯК

К пароходу подступает мрак,
Море Черное рокочет строго.
На скале сейчас зажгут маяк,
Он лучом укажет нам дорогу.

Вот огонь широкий засиял,
Кружится зеркальная планета.
Пароход идет вдоль черных скал
По дороге медленного света.

Расскажи, товарищ мой, о ком
Палуба сейчас затосковала,
Или вспомнила, что Маяком
Звался наших песен запевала?

Голосом на всю страну гремел...
Как такого создала природа?

Он светил, он солнцем быть хотел,
Говорил, как с братом, с пароходом.

Луч стеклянный ходит, как рука,
Ничего, что в море пьяче мглисто:
Мы идем под солнцем Маяка,
И поют на палубе туристы.

И когда-то тоже было так,
Память не сотрут, не скроют годы:
Здесь на берегу стоял Маяк,
Протянувши руку пароходу.

Я хочу всю жизнь идти вперед,
Быть движеньем, радостью и светом.
Пропадает белый пароход,
И зовут его
«Товарищ Нетте».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мы скоро вернемся в свой дом,
На третий этаж над Арбатом,
Повестки и письма найдем
И пыль на столе угловатом.

А ночью к нам сон прилетит —
Такое лишь снится счастливым, —
Что Черное море шумит
И ходит внизу под обрывом.

Но снова с утра кутерьма.
И мы этот сон позабудем,
И снегом покроет зима
Широкие улицы будем.

Ты снег этот тронешь рукой:
Кристаликн, звезды, как в сказке.
Ты скажешь, что снег не такой
Лежит на вершинах кавказских.

Нам сны и мечты — не укор.
Мы в море глубины открыли
И вновь научились у гор
Величью, простору и силе.

И пусть тебе сердце щемит
Магнолий медовая дрема,
Ведь Черное море шумит
И ходит у самого дома...

КОРОТКИЕ ВОЛНЫ

Брезентовый домик висит над скалой,
На самом краю ледника.
Пробраться сюда безумной тропой —
Не сыщешь проводника.

Орлы на такой высоте не парят,
И тучи клубятся внизу.
Здесь вечность оставила мертвый каскад,
Свою ледяную слезу.

С продуктами выбросили парашют,
Отправился вниз самолет.
Здесь люди в серебряных куртках живут,
Исследуют камень и лед.

И раз в шестидневку, в ночной тишине,
С просторной страною своей
Они говорят на короткой волне
О жизни ветров и дождей,

О ходе работ, и внимательный мир
Дает позывные в ответ.
И с северной льдины в холодный эфир
Им шлют комсомольский привет.

ДРАГОЦЕННАЯ СОКРОВИЩНИЦА

Записано со слов Дабы Юдакова, колхозника из поселка Айлу... Со слов рабочих на лесопильных заводах под Архангельском... Со слов курдского певца Ахмеда Мирзая... Со слов Ивану Люльки из села Головчицы, Жмеринского района... Со слов народного певца Дагестанской АССР орденоносца Сулеймана Стальского... Со слов сказителя Васо Апцаурри...

Такими лаконичными справками заканчивается эта изумительная книга, выпущенная к XX годовщине Великой Октябрьской социалистической революции издательством «Правда».

Тридцать пять советских народов представлены в этом сборнике. Лучшее из того, что было создано народными талантами за 20 лет революции, лучшие песни, частушки, былины, сказки, пословицы любовно собраны на страницах «Творчества народов СССР». Книга эта войдет в золотой фонд культуры социализма.

Величайшие темы эпохи—Ленин и Сталин, гражданская война и победа социализма.

Широчайший географический охват событий: в книге вся страна—от полесских болот до сопок Приморья, от Колхиды до Кольского полуострова.

Необыкновенное богатство конкретного исторического содержания: разгром Колчака и Деникина, борьба с немецкими и польскими оккупантами, ликвидация басмаческих банд Энвера-паши и других. А в последнем разделе книги в ярких образах встают самые значительные достижения нашей страны за 20 лет: индустриализация, победа колхозного строя, освобождение женщины, успехи авиации и т. д.

Такова эта книга, которую с полным правом можно назвать энциклопедией народов СССР.

Певцы народов рассказывают о новых городах и заводах, о новых машинах, о новых школах. Гордо подсчитывают они достижения своих республик и всего Союза. Азербайджанский певец, перечисляя богатства своей страны, так заканчивает свою песню:

«...Из скромности молчат мои стихи
О шелкоткацких фабриках Нухи...
Душистые сады мои тихи,
И спят они в об'ятьях у меня...
Есть у меня чалтык и виноград,
И всем я поделиться с братом рад,
И каждому достойному — я брат!
Любимых десять братьев у меня».

Книга помогает глубже понять сущность Сталинской Конституции, сущность нашего социалистического государства как добровольного союза дружественных наций. Книга обогащает культуру советского человека знанием братских народов, их прошлого и настоящего.

Но не только в этом значение удивительной книги, которая зарождалась при активном участии великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького.

Душа народа, чувства миллионных масс раскрываются на страницах замечательного праздничного издания. Как глубоки чувства, как тонки их оттенки!.. От трогательного, почти наивного рассказа женщины о пуговке, которую она пришила к пальто Ильича, — до могучих, торжественных строк таджикской песни «Великий Ленин, исполни веков!» От задушевной казачьей песни о Сталине «Мы коня вырастим для вождя родного — до ликующих, звенящих гимнов в честь творца Конституции. Такова сила любви народной к партии и ее вождям. Эта любовь предельно ощутима потому, что в книге выражено и другое чувство народное — ненависть к врагу. Необыкновенно волнуют стихи, отразившие переживания масс в дни подлого убийства Кирова. Курдский певец, сдерживая рыдания, говорит:

«Товарищ Сергей, спокойно спи!
Неотомщенным ты не останешься,
А те, кто тебя убили,
Пусть знают: в живых не будут».

А дагестанский певец, как бы продолжая его мысль, говорит:

«Горы взорвая на воздух, моря осушая до дна, найдем мы злобную нору, отыщем врага, он от нас не уйдет...»

Вячеслав Михайлович Молотов недавно говорил о том, что в нашей стране создалось невиданное раньше внутреннее моральное и политическое единство народа, моральное и политическое единство социалистического общества. Чудесная книга народного творчества, изданная «Правдой», каждой своей строкой как бы подтверждает эту мысль. Народ един в своей любви к Сталину. Народ един в своей решимости беспощадно истреблять врагов.

Книгу «Творчество народов СССР» прочтет каждый, желающий лучше познать нашу великую родину.

ЛИНИЯ ОТРЕЗА

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ!

Редакция просит Вас заполнить эту анкету и опустить в почтовый ящик, не наклеивая марки

АНКЕТА

ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА „СМЕНА“

1. Возраст .....
2. Образование .....
3. Кем работаете .....
4. С какого года читаете „Смену“ .....
5. Какие отделы журнала Вас интересуют .....
6. Какие Вы находите недостатки в журнале .....
7. Удовлетворяют ли Вас формат, шрифт и художественное оформление журнала .....
8. Ваши предложения .....

Подпись

(Заполненную анкету сложить и опустить в почтовый ящик без марки).

Адрес отправителя

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА „СМЕНА"

улица „Правды", 24, комн. 710,

Москва, 40.

НАЧАЛО ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ*

Эта книга рассказывает о начале жизни одного из самых замечательных людей партии Ленина—Сталина,—о детстве и юности Сергея Мироновича Кирова.

Уржум, где в 1886 году родился Сережа Костриков, был маленьким глухим городком. Тускло освещенные улицы его осенью тонули в грязи, зимой в снегу, а летом на них стояла пыль столбом. Только и было хорошего в городке, что быстрая река Уржумка да еще старые тополя на главной улице».

Семья Сережи жила бедно. Когда Сереже исполнилось семь лет, отец ушел на заработки и пропал без вести. Мать Сережи жила поденной работой — в холод и метель стирала белье на Уржумке. Простудившись, она проболела полгода и умерла. Сережу, вместе с двумя его сестрами, взяла на воспитание бабушка Милянья Авдеевна, старуха 82 лет. Нелегко было бабушке воспитывать внучат на 36 рублей пенсии в год. Пришлось отдать Сережу в приютский дом.

Жилось ему там однообразно и трудно. «Сережа забирался за сарай и плакал там потихоньку, чтобы ребята не видели». Два года мечтал он, что пойдет учиться в школу. Наконец, мечта его осуществилась: в начальной школе и в уржумском городском училище он учился отлично.

Сережа жадно читает книги. Он не дружит с детьми богатых — ленивым сыном церковного старосты Чемековым и цеголем Филипповым: его друг — реалист Саня Самарцев, с которым Сережа состязается в упражнениях на трапеции и ходит ловить окуней.

Уже в эту раннюю пору в Сереже сказывается будущий пролетарский революционер и строитель. Написав лучшее в классе сочинение на тему «Наш двор», Сережа изображает двор не маленьким и пыльным, каким он был в действительности, а описывает свою мечту о нем: широкий большой двор, где под высокими деревьями растут цветы, посыпана желтым песком площадка и т. д.

Выделившегося блестящими способностями Сережу посылают учиться «за общественный счет» в казанское промышленное училище. Отданный под домашний надзор «дочери чиновника», злой старой деве Сундстрем, Сережа живет в Казани в темном коридоре, спит, с'ежившись на коротком сундучке. Но мысль мальчика напряженно работает. Он присматривается к быту волжских грузчиков, слушает рассказы студента Спасского о каторжном труде рабочих на миллионеров Крестовниковых. Да и в училище Сережа присматривается к разговорам старших товарищей, критикующих не только школьное начальство, но и самого царя.

Уржумские купцы в конце концов отказались платить за Сережу. С большим трудом достает он нужную для уплаты за право учения сумму. Поселяется он вместе с тт. Ассевым и Яковлевым, такими же бедняками, как он сам, в убогой крошечной комнате. Живут голодно, но дружно. Но к весне, истощенный невзгодами и лишениями, Сережа серьезно заболевает. Желтый, осунувшийся, продолжает он учиться...

Решающий поворот в жизни Сергея происходит в Уржуме, куда он приезжает на каникулы. В маленьком доме по Полстовалоской улице живут коммуной политические ссыльные разных национальностей. Среди них выделяется Дмитрий Спиридонович Мавромати. Уржумские подростки попадают под влияние маленькой кучки революционеров. Среди этих подростков, готовых по первому зову старших товарищей придти на помощь великому делу революции, выделяется будущий соратник Ленина и Сталина—Сергей Костриков.

Вернувшись в Казань, он выполняет первое задание революции. Вместе с Саней Самарцевым изготовляет гектограф и печатает листовку, заканчивающуюся словами: «Долой самодержавие! Да здравствует революция!»

Листовки всполошили весь город. Долго и бесплодно ищет виновников полиция. А вскоре, 14 декабря 1903 года, Сергей Костриков вместе с Ассевым и Яковлевым блестяще организует политическую демонстрацию в театре. Сергея Кострикова исключают из училища, но его товарищи, — все, как один, — энергично протестуют против этого — и струсившее начальство уступает. Победившие ученики с революционной песней идут по улицам Казани.

Через несколько дней из механических мастерских исчезает печатный станок. И вскоре напечатанные на нем революционные прокламации расходятся по Казани. Это также — дело молодых революционеров, руководимых будущим трибуном пролетарской революции, одним из лучших сынов нашей родины, соратником великого Сталина — Сергеем Мироновичем Кировым.

Книга написана простым и ясным, но порой недостаточно образным языком. В отдельных местах ее тон слащав, есть длинноты. Иллюстрирована книга крайне неровно. Наряду с неплохими рисунками есть неряшливые и просто неграмотные.

Несмотря на эти недостатки книга прочтется с увлечением.

* А. Голубева «Мальчик из Уржума». Детгиздат, 1936.

НАУЧНЫЕ ОЧЕРКИ

Клевета на человечество

О ФАШИСТСКИХ РАСОВЫХ ТЕОРИЯХ

Н. ЧЕБОКСАРОВ

Происхождение человека, его первоначальное расселение на земле, возникновение и развитие человеческих рас, изменение самой природы людей в связи с их трудовой общественной деятельностью—вот вопросы, составляющие основное содержание антропологии.

Еще в середине прошлого века реакционные ученые старались использовать некоторые данные антропологии для обоснования так называемой «расовой теории». Главным положением этой «странной теории, которая так же далека от науки, как небо от земли», явилось — по меткой характеристике товарища Сталина — признание того, «что мир разделен искони на низшие и высшие расы, на черных и белых, из коих первые неспособны к цивилизации и обречены быть об'ектом эксплоатации, а вторые являются единственными носителями цивилизации, призванными эксплоатировать первых» («Международный характер Октябрьской революции». 1927).

Крупнейшие антропологи Запада (Мануврие, Брока, Гэддон и др.) всегда глубоко отрицательно относились к расистским измышлениям.

Несмотря на полную научную необоснованность расовых теорий, справедливо названных передовыми учеными XIX века «лженаукой», они получили в капиталистических странах широкое распространение в качестве идеологического оправдания классового и национального угнетения.

Молодая советская антропология не могла пройти мимо этого явления. Она должна была начать активную борьбу против расизма, должна была с фактами в руках показать, что легенду о природном неравенстве людей «нужно считать опровергнутой» (Сталин).

Особенно острой и напряженной стала борьба в последние годы, когда расовые теории превратились в официальную идеологию фашизма.

Разоблачение контрреволюционного и шовинистического содержания расовой идеологии фашизма, вскрытие ее антинаучности стали боевыми задачами советской антропологии.

На нескольких простых, но убедительных примерах можно показать антинаучность и необоснованность расовых теорий.

Какая из рас ближе к обезьянам? Этот вопрос полон живого интереса, далеко выходящего за рамки академической науки. Расисты, как известно, утверждают, что «примитивные», или «низшие», расы по строению своего тела наиболее близки к животным, особенно к человекообразным обезьянам. К этим «примитивным» расам будто бы принадлежат негры, австралийцы, индонезийцы, эскимосы и другие народы колониальных и зависимых стран, эксплоатируемые империалистами.

Гитлер заявляет, что расстояние, существующее между низшим человеком и высшей расой, гораздо больше чем между низшим человеком и наиболее развитой обезьяной. Но факты упрямы: лучше всяких рассуждений они опровергают откровение фашистского «фюрера». Изучение человеческих рас ясно показывает, что ни одна из них не является более «примитивной» и обезьяноподобной в сравнении с другими.

Если, например, по выступанию челюстей (прогнатизм) негры действительно стоят несколько ближе к высшим обезьянам чем европейцы, то по наклону лба и развитию надбровных дуг именно негры могли бы претендовать на роль «высшей» расы, так как у них чаще чем у европейцев встречаются прямые и выпуклые лбы, резко отличающие человека даже от наиболее близких к человеку высших обезьян.

Заснятый на помещенной внизу фотографии череп немца по строению надбровья и лба больше напоминает шимпанзе чем помещенный рядом с ним череп суданского негра!

Толстые губы негров и австралийцев также дальше отстоят от обезьяньих чем тонкие губы европейцев, считавшиеся признаком их «высшей» расы.

Туземцы Африки и Австралии с их длинными ногами и коротким туловищем вовсе не напоминают человекообразных обезьян, у которых туловище всегда значительно длиннее ног.

Количество примеров можно было бы увеличить, но и из сказанного ясно, что если сопоставлять человеческие расы по совокупности их признаков, то ни одну группу современного человечества нельзя считать «низшей», сохранившей наибольшее количество обезьяньих особенностей.

Больше того, внимательное сравнение строения тела различных рас указывает на глубокое биологическое единство всего человечества. Расовые различия носят поверхностный характер и касаются главным образом несущественных признаков, вроде формы волос, цвета кожи, строения глазных век, носа, губ. Основные же особенности человека, отличающие его от других животных, свойственны всем современным расам.

Крупный подвижный большой палец — специфический признак человека. Сравнивая устройство руки представителей различных рас, можно легко заметить, что никаких различий здесь не наблюдается: кисть негра или монгола столь же хорошо приспособлена к самым сложным трудовым движениям, как и кисть европейца.

Развитой мозг, изогнутый ввиде латинского «S» позвоночник, опорная стопа — все эти особенности, возникшие в тесной связи с общественным трудом, в одинаковой степени присущи всем человеческим расам.

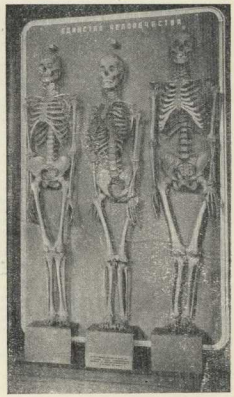
Скелеты трех основных рас: негроидной («черной»), европеоидной («белой») и монголоидной («желтой») — в сравнении со скелетом шимпанзе в наглядной форме подтверждают это положение, являющееся одним из самых непреложных выводов современной антропологии.

К выводу о биологическом единстве человечества можно придти и другим путем. Сравнивая между собой человеческие расы, даже наиболее отличные, нетрудно заметить, что расовые различия не носят абсолютного характера.

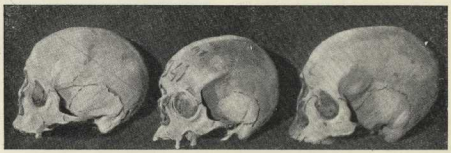
Возьмем такой существенный расовый признак, как форму волос. Считают обычно, что для негроидов («черных») типичны курчавые волосы, для европеоидов («белых») — волнистые, для монголоидов («желтых») — прямые. В основном такое разграничение верно. Но среди восточных европеоидов (например среди русских) прямые волосы — совсем не редкость: во многих районах они даже преобладают. Точно так же южные европеоиды (итальянцы, испанцы, арабы и др.) по форме волос часто приближаются к настоящим негроидам, обладая курчавой шевелюрой. Ввиде исключения сильно курчавые волосы попадаются даже в Северной Европе, где не может быть и речи о каком-то смешении с неграми.

Нужно также иметь в виду, что географические границы распространения отдельных расовых признаков не совпадают друг с другом. В районах соприкосновения и взаимодействия основных рас всегда возникают разнообразные промежуточные формы, сочетающие особенности различных биологических разновидностей человечества.

Ярким примером таких переходных образований являются расовые типы Восточной Африки (в частности Абиссинии), специально изучавшиеся — по литературным источникам — автором этого очерка. Своими курчавыми волосами, темной кожей, утолщенными губами абиссинцы напоминают настоящих негроидов. Зато по форме и размерам лица, по стро-



Сравнение скелетов представителей основных рас: негроида (папуаса), монголоида (японца) и европеоида (русского)—убеждает нас в биологическом единстве человечества, в несущественности расовых различий.



Посмотрите, как мало отличаются друг от друга черепа представителей трех основных человеческих рас: монголоида (калмыка), европеоида (немца) и негроида (суданского негра).

нию носа они приближаются к южным европеоидам, представленным итальянцами или испанцами.

Промежуточные антропологические типы широко распространены также среди народов СССР, особенно в северовосточной Европе и северозападной Азии, где с глубокой древности происходило взаимодействие и смешение монголоидов и европеоидов.

Многочисленные экспедиции, произведенные в 1926—1937 годах Антропологическим институтом МГУ к марь, мордве, чувашам, удмуртам, коми, ойротам и другим народам, показали, что резкой границы между «белой» и «желтой» расами невозможно провести ни географически, ни морфологически.

Прямые, но мягкие волосы, желтоватая кожа, несколько уплощенное лицо, ослабленное развитие бороды и волосяного покрова на теле — все эти признаки, характерные для многих из вышеперечисленных народов, являются промежуточными между свойственными «типичным» монголоидам (например китайцам) и европеоидам (например армянам).

Археологические раскопки, произволившиеся Антропологическим институтом и другими научными учреждениями, обнаружили глубокую древность переходных расовых типов в Восточной Европе. Так например в Яныкоской стоянке (Башкирского района, Калининской области), относящейся к новому каменному веку (неолит), было обнаружено несколько скелетов, по своим антропологическим особенностям принадлежавших к так называемому «субдолихоидному» типу из круга этих переходных форм.

Переходные формы могли возникнуть одновременно с основными расами именно вследствие единства их происхождения и общности законов их развития.

Расистские построения о различных центрах возникновения рас или об их происхождении от различных видов обезьян, в свете работ советских антропологов о промежуточных типах, не выдерживают никакой серьезной научной критики.

Таким же неосновательным оказывается и другой основной тезис расовых теорий — утверждение об изначальной связи расы и культуры, расы и языка, расы и нации. Разжигая звериный зоологический шовинизм, стараясь отвлечь трудящихся от классовой борьбы, идеологи фашизма распространяют ложные научные измышления о «расовой основе истории, расовом единстве нации, общности расовых интересов» и т. д.

В трудах немецких «расистов» Рудольфа, Гюнтера и др. в качестве «высшей» фигурирует так называемая «северная раса», отличающаяся белокурыми волосами, голубыми глазами, длинным черепом, узким лицом, выдающимся носом, высоким ростом.

Советская антропология в настоящее время располагает богатым материалом, позволяющим не только вскрыть контрреволюционный смысл этой «теории», но и показать научную ее несостоятельность.

Товарищ Сталин еще в 1913 году установил, что «нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей» («Марксизм и национальный вопрос»). Уже тогда товарищ Сталин указывал, что современные европейские нации: итальянская, французская, немецкая, английская — сложились «из людей различных рас и племен».

Новейшие данные не только полностью подтверждают сталинские формулировки, но и показывают, что возникшие раньше современных наций языковые и этнические группы также не являлись расово-однородными.

Исследования академика Н. Я. Марра и работы молодых советских антропологов, языковедов и историков с несомненностью установили, что самое образование языковых систем (например турецкой, индо-европейской) происходило на обширных территориях среди расово смешанного населения.

Особо показательно в данном отношении антропологическое изучение народов СССР, говорящих на финских языках. В дореволюционных, а частью и в новых (зарубежных) антропологических книгах нередко можно прочесть о глубоких расовых отличиях финских народов от их соседей, говорящих на других языках, о былой принадлежности всех финнов к одной расе, иногда даже о существовании особого, «финского» расового типа. В действительности же никакого «финского» расового единства и не существовало. Материалы, собранные антропологическими экспедициями различных советских научных учреждений среди финских народов, не только указывают на их расовую смешанность в настоящем и в прошлом, но также позволяют утверждать, что в состав финнов входят те же самые расовые типы, что и в состав индо-европейцев (славян, германцев и т. д.), турок, тунгусов и других народов северной Евразии.

Автор настоящего очерка сам работал среди коми, мордвы, а также среди соседнего с ними русского населения. И вот оказывается, например, что светловолосый и светлоглазый, типичным для европеоидов, коми с Вычегды по своему антропологическому типу гораздо больше напоминает своего русского соседа из Вологодской области, чем говорящего на финском языке черноволосого и темноглазого мари с его монголоидными особенностями. Больше того, коми из разных районов отличаются друг от друга в антропологическом отношении больше чем от своих русских соседей. Так, низменностных коми, например, около 57% светлых (серых и голубых) глаз, столько же, сколько у вологодских русских, в то время как у коми с Верхней Вычегды светлоглазых только 39%. Сплошь и рядом в пределах одного и того же селения, жители которого говорят на одном наречии, можно встретить самые разнообразные расовые типы. На рисунке изображены два жителя татарской деревни Ускют. Как отличны внешние черты, но в состав обоих входят элементы, свойственные и европеоидам и монголоидам.

На рисунках изображены два жителя татарской деревни Ускют. Как отличны внешние друг от друга эти представители одной и той же национальности!

Реакционное измышление представляет собой также и «теория» расового единства германских народов и преобладания среди них северного расового типа. Выполняя социальный заказ своих фашистских хозяев, современные расистские «ученые» стремятся найти» этот тип всюду, куда направлены захватнические стремления зарвавшихся «вождей» гитлеровской «третьей империи». Так например на карте рас Европы, составленной в 1936 году нежким майором Банзе, северная раса не только заполняет почти всю Германию, но ввиде «остатков» от живших здесь германцев выступает также в северной Франции, в Австрии, в Испании и даже на Украине, около Киева (!!).

Чтобы как-нибудь «обосновать» свои шовинистические устремления, фашистские демагоги не останавливаются перед прямым обманом и фальсификацией науки. Так, «профессор» Гюнтер, получивший от Гитлера поощрение за свои «успешные» работы, определяет долю «северной» крови в Германии в 50—60%, тогда как, данные датским немецких буржуазных исследователей, количество суб'ектов «северного типа» среди немцев нигде не превышает 5—7%! Другой фашистующий антрополог, Э. Эйкштедт, при помощи изобретенных им «расовых формул», не удовлетворяющих элементарным научным требованиям, старается «доказать», что распространение северной расы на востоке Средней Европы близко совпадает с расселением немцев и захватывает также ближайшие к Германии польские территории (именно те, которые являются об'ектом вожделений берлинских политиков). «Исправляя» фальсификатора-антрополога, Эйкштедт причисляет к северной расе население Силезии, в действительности ничего общего с северным типом не имеющее.

Сравнение антропологических материалов, собранных советскими учеными, с соотвествующими действительно научными данными по Германии и другим странам, показывает, что германские народы в расовом отношении не представляют ничего специфического, но состоят из тех же самых элементов, что и остальное европейское население. Рассуждения о распространении северной расы вслоду, где когда-то давали германские племена, предполагает чистейший вымысел. Самое тщательное антропологическое исследование не может обнаружить никаких «северных» признаков у украинцев Киевщины или у испанцев. Это авторитетно подтвердил особенно поразительно напоминающие характерные для северной расы, обнаруживаются там, где ни о каких «германских» племенах не может быть и речи и где это может всего удобно для фашистских идеологов.

Так например описанная Г. Ф. Дебецом мордва Лукьяновского района, Горьковской области, по своему антропологическому облику стоит ближе к севернорасовым шведам или норвежцам чем любая группа немцев. Удлиненный череп, узкое лицо, светлые волосы и глаза, высокий рост — все эти признаки оказываются у мордвы обычными у жителей Скандинавии. Близкие к северному расовые типы встречаются также среди карелов, коми, казанских татар. Конечно, появились они здесь не вследствие переселения германцев, никогда не бывавших на берегах Кокми или Вычегды, но в силу того простого обстоятельства, что все население Европы, вне зависимости от языков, на которых оно говорит в настоящее время, с самого начала включало в свой состав одни и те же антропологические элементы.

Не только научные изыскания свидетельствуют против фашистских фальшивок; самым убедительным, самым исопровержимым доказательством вздорности домыслов о существовании «высших» и «низших» рас являются наша советская действительность, успехи грандиозного строительства бесклассового, социалистического общества, в создании которого участвуют столь разнообразные в расовом отношении народы СССР. «Одним из важнейших результатов Октябрьской революции, — писал товарищ Сталин еще в 1927 году, — является тот факт, что она нанесла этой легенде (речь идет о расовой теории. — *Н. Ч.*) смертельный удар, показав на деле, что освобожденные народовские народы, втянутые в русло советского развития, способны двинуть вперед действительно передовую культуру и действительно передовую цивилизацию ничуть не меньше, чем народы европейские» («Вопросы ленинизма», стр. 206. М. Партиздат. 1935).

Н. К. ЧЕРКАСОВ
Заслуженный артист РСФСР

Работа актера

Николай Константинович Черкасов.

Мало иметь талант, недостаточно быть работоспособным, надо всегда быть готовым к случаю—случаю, который переворачивает вашу творческую судьбу. Художник должен ждать необычайного. Это — не пассивное ожидание, не мечта, но упорная работа над будничными вещами, которые иногда нравятся, иногда оставляют равнодушным, но всегда необходимы как тренировка, как накопление опыта.

На Западе актер может прождать случая всю жизнь, потому что он зависит от людей, равнодушных к искусству, потому что самая система капиталистического общества такова, что ни талант человека, ни его бескорыстная любовь к делу не имеют цены.

У нас всякий молодой способный актер может получить возможность выразить себя, свою творческую сущность наиболее глубоко и полно, потому что у нас растет молодежь, следят за ней, выдвигают ее, потому что интересы искусства дороги всей стране.

Для меня таким счастливым случаем была роль Полежаева в фильме «Депутат Балтики». Эта роль была подведением итогов всей моей предыдущей работы в театре и кино. Но для того чтобы сыграть ее так, как мне хотелось, в полную меру своих сил и возможностей, я должен был пройти длинный и пестрый путь.

После окончания Ленинградского института сценических искусств я был приглашен в ТЮЗ, один из лучших ленинградских театров. По типу, по внутреннему духу этот театр напоминал студии Художественного театра: такой же сплоченный, дружный коллектив, студийные занятия с актерами, развитие чувства ответственности за свой театр и уверенности, что твой театр должен быть самым лучшим. ТЮЗ можно назвать не только театром юного зрителя, но и театром молодого актера.

Работа в ТЮЗ имела для меня большое значение: ТЮЗ воспитал у меня чувство ансамбля, принцип «нет маленьких ролей, есть маленькие актеры». Сегодня я играл большую, ответственную роль Дон-Кихота, а завтра — старшину, который 40 минут молчит на сцене, но к обеим ролям я относился с одинаковой серьезностью и старался молчать как живой человек, как определенный образ, а не быть живой бутафорией на сцене.

Воспитывал и сам маленький зритель — существо очень ехидное и наблюдательное, которое не прощает небрежности и невнимательности. На одном из спектаклей «Дон-Кихота» у меня отклеились усы. В зрительном зале началось бурное веселье, совсем не соответствующее событиям, происходившим на сцене. Я вышел из положения только благодаря находчивости, закричав: «О проклятые волшебники! Они даже усы мои с корнем вырвали!..»

Последняя моя роль в ТЮЗ — Звездинцев в комедии Толстого «Плоды просвещения». Работа над этой ролью совпала с приездом в Ленинград московского Художественного театра.

Я увидел «Вишневый сад» и долго ходил под впечатлением этого спектакля. Особенно меня потрясло исполнение роли Гаева К. С. Станиславским. И впервые понял, какая глубина может скрываться за словами и жестами сценического персонажа. И к роли Звездинцева я пытался подойти глубже чем обычно, найти путь от внутреннего к внешнему.

Следующий этап моей работы прошел в цирке и Мюзик-холле. Еще в ТЮЗ мы с товарищами сделали шуточный номер «Пат Паташон и Чарли Чаплин», имевший на вечерах актерской самодеятельности шумный успех. Нам предложили выступить с этим номером в цирке, а затем меня пригласили в Мюзик-холл.

Работа в Мюзик-холле показалась мне очень соблазнительной: совершенно новый жанр, где драматический актер может играть, петь, танцовать, делать цирковые номера, если сумеет... Но действительность разбила мои надежды. Оказалось, что цирковые аттракционы не сливаются органически с живым словом, произносимым актером. Мюзикхольное обозрение распадается на части, абсолютно чуждые друг другу: с одной стороны — канатоходцы, дрессированные звери, эксцентрики, гимнасты, с другой — актер, танцующий, поющий и играющий... гораздо хуже, чем он играл бы во всяком другом театре.

Из Мюзик-холла я снова вернулся в театр. Это был Ленинградский театр комедии — передвижной театр, выступавший главным образом в рабочих клубах.

Мне казалось, что за время работы в Мюзик-холле я окончательно растерял себя как актера. К работе я приступил с трепетом и волнением, но, к счастью, в театре оказался хороший режиссер, и я удачно справился со своей первой ролью. Я играл Байтерса в пьесе «Миллион Антониев». Я сыграл его 250 раз. Были дни, когда я играл его утром и вечером, и были вечера, когда я испытывал полное, ни с чем несравнимое удовольствие от того, что нахожусь на сцене. Этому ощущению помогало еще необыкновенно внимательное отношение и необычайно бурная реакция рабочего зрителя на наши спектакли. Работа в передвижном театре окончательно заставила меня понять, какая ответственность лежит на актере перед зрителем.

Из Театра комедии я перешел в театр госдрамы имени Пушкина. Я сыграл там около десятка крупных ролей. К сожалению, среди них были, например, такие, как Ян Двалн, в бездарнейшей, пошлой пьесе «Чудесный сплав». Когда я исполнял эту пустую и фальшивую роль, у меня по окончании спектакля было такое ощущение, как будто я целый вечер лущил семечки — и легко и тошно.

Но в этом же театре я сыграл Варлаама в «Борисе Годунове», Крогстадта в «Норе». Осипа в «Ревизоре» и Морриса Массуба в «Мольбе о жизни». Эти роли заставили меня почувствовать себя на советской сцене на своем месте. Период юношеских мечтаний кончился.

Наряду с театром я все время работал в кино. С появлением звукового кино исчезла разница для актера в методе работы над образом. Различна только техника, метод не меняется.

Еще в 1926 году я сыграл малозаметный эпизод в фильме «Поэт и царь» — парикмахера Шарля. Народный артист Гарлин говорил по поводу исполнения этой маленькой роли: «Для этого актера надо специальные сценарии писать!»

Я гордился этим, но считал и до сих пор считаю, что сценарий надо писать для зрителей, а не для актеров. Для актеров пусть пишут в Америке. Сценарий, написанный для актера, обкрадывает самого актера: он приноравливается к актерским данным, вместо того чтобы давать им развиваться.

С переходом на звук работа в кино стала интереснее. Я сыграл роль рабочего Гайдуля в фильме «Граница», играл в «Горячих денечках» Зарки и Хейферда, в «Детях капитана Гранта» и в других фильмах. Были крупные и интересные роли, но работа над ними меня не удовлетворяла. Вся беда заключалась в том,

Алексей («Петр I»).

Профессор Полежаев («Депутат Балтики»).

что у кинорежиссеров прочно установился взгляд на меня как на комедийного, эксцентрического актера, а я мечтал о роли, в которой тебя не рассматривают, не любуются тобой, а вместе с тобой, вслед за тобой живут, смеются, плачут и надеются.

С большой опаской режиссер Петров предложил мне роль Алексея в «Петре I» и после пробы рискнул оставить мне эту роль. Это была очень трудная работа. В первой серии материал роли настолько лаконичен, что мне приходилось каждую реплику, каждый взгляд, поворот головы очень тщательно продумывать. Мне приходилось изображать злодея его душевным состоянием, а не поступками. А в кино выразить характер бездействующего человека — да еще резко отрицательный характер — задача нелегкая. Во второй серии игрового материала в роли больше, но там другие трудности. Картина слишком масштабна, репетировать ее не удалось. У Алексея есть большая сцена, где он избивает Ефросинью. Снималась она так: в январе я ее избил, в феврале бросился за ней, летом пробежал по лестнице, а в декабре снимали финал этой сцены. Надо сказать, что Алексей в этой сцене совершенно невменяем: приводить себя каждый раз в истерическое состояние для очень короткой с'емки было сложно.

Когда я заканчивал работу над Алексеем, мне случайно довелось прочитать сценарий Рахманова «Беспокойная старость» («Депутат Балтики»). Прочтя его, я понял, что этого старика, именно этого и никакого другого, я могу играть, должен играть и буду играть.

На эту роль приглашались актеры, имевшие больше прав по возрасту, по стажу, по опыту, но у меня впервые в жизни проснулось творческое честолюбие. Я влюбился в эту роль, я был уверен, что сыграю ее, как надо, и это заставляло меня вести себя так, как никогда в жизни я себя не вел. Я кричал почти всерьез режиссерам, что если мне не дадут этой роли, я буду требовать ее судом. Режиссеры Зархи и Хейфец, которые еще раньше работали со мной, в конце концов, прислушались к моим требованиям и дали возможность сделать пробу. Сделали три пробы, и я оказался победителем.

Только путем большой работы, настойчивости и горячего, искреннего желания мне удалось вылепить роль, равную которой я сыграю, может быть, еще не скоро.

В роли Полежаева мне пригодились и Звездинцев, которого я играл в ТЮЗ, и Морис Массубр, и образ Гаева-Станиславского. У меня был достаточный багаж, с которым я мог пуститься в сложное путешествие по этой роли.

Весь опыт моей актерской жизни был использован. Все, что годами лежало где-то глубоко в подсознании, неожиданно всплыло.

Я почувствовал характер Полежаева, прочитав сценарий. Но я определил его совершенно точно, только лишь проработав ряд материалов. Мне помогла переписка Тимирязева с Горьким, его работы: «Наука и демократия», «Сельское хозяйство» и др.

Работая над ролью, я очень много наблюдал за стариками. Я вспоминал академика Павлова, которого часто видел. Я следил за стариками в трамвае, на улице, в магазинах. И я заметил: чем старше такой крепкий старик, тем он кажется живее, быстрее в движениях. Это наблюдение — одна из красок образа Полежаева. Я наблюдал, как растут у стариков волосы, как они небрежно закладывают за уши длинные пряди. Я отращивал волосы и имел такой нелепый вид, что в трамваях незнакомые люди советовали мне подстричься.

Актер одержим в работе. Иногда умываешься, шнуруешь ботинки и бормочешь какие-то непонятные слова, и только когда поймаешь себя на этом, проследишь за мыслями, — оказывается, начало идет от какого-нибудь образа, который, может быть, еще и не скоро придется играть.

Над «Депутатом Балтики» я предложил режиссерам работать, как в театре: сначала за столом, потом прорепетировать в студии весь сценарий и только после этого приступать к с'емкам. Режиссеры пошли на это и оказались прекрасными педагогами. Так, учась друг у друга и помогая друг другу, мы работали над этим фильмом.

В процессе репетиций я настолько разработал образ, что во время с'емок мне не стоило ни малейшего труда брать любой кусочек сценария и играть его. Это было не труднее, чем после антракта выйти на сцену и продолжать роль. Весь процесс работы над этим фильмом был настолько мне дорог, что иногда, стоя перед аппаратом, я испытывал ощущение полного творческого покоя, а в кино добиться этого очень трудно.

Зерно образа Полежаева было для меня настолько ясно, что я мог делать любые этюды: как танцует мазурку профессор, как разговаривает с детьми, ест, пьет, делает гимнастику...

Однажды у нас был перерыв между с'емками, и я, в гриме и костюме, решил зайти к своим знакомым. Я прошел несколько кварталов, и никто не обратил на меня внимания. Задевший меня прохожий очень почтительно извинился. Знакомых моих не оказалось дома, но в квартире, где я часто бывал, меня никто не узнал.

Я возвращался обратно в прекрасном настроении. Недалеко от места нашей с'емки был протянут канат, примерно на метр от земли, и собралась довольно большая толпа. Тут мне пришло в голову созорничать, и я, почтенный старик-профессор, перемахнул через канат. Тут только публика усомнилась в моем возрасте, и я был разоблачен.

Этот эпизод окончательно вселил в меня уверенность, что я на правильном творческом пути.

В «Депутате Балтики» я снимался четыре месяца. Я по-настоящему жил в квартире Полежаева, построенной в ателье студии Ленфильма. И было тяжело расставаться с ней, больно смотреть, как ее ломали, когда понадобилось место в ателье для с'емок других фильмов.

Я с удовольствием вспоминаю теперь даже те часы, когда я гримировался для Полежаева, а это было ужасно трудное дело. Я потратил на грим двести часов.

Перед каждой с'емкой меня гримировали ровно два часа, и я сидел покорно и безропотно, потому что сознавал, что экран не переносит лжи. Грим должен быть очень тонким и тщательным; у меня, к счастью, оказался необычайно талантливый гример.

Больше всего меня радует в актерской профессии момент преображения. Я стал работать на сцене статистом еще в последних классах школы. Выступая первый раз, я был страшно обрадован тем, что мне наклеили бороду и одели боярином, то есть именно тем, что отталкивало и стесняло моих начинающих товарищей.

Наблюдая за Шаляпиным (я был статистом в Мариинском театре), я видел такое подлинное преображение, что верил в него, даже стоя рядом на сцене. Борода и боярский костюм — это внешнее, а внутреннее заключается в том, чтобы роли были совершенно непохожи друг на друга. Всегда хочется найти самые характерные черты изображаемого лица, воплотиться в еще однсго, совсем нового человека.

Работа в кино и театре для меня одинаково интересна. Я не разделяю довольно распространенного мнения, что без театра киноактер не растет. Это, может быть, верно только в одном отношении: в кино очень редко удается сыграть хотя бы две — три роли в год, чаще играют одну роль в три года. При таких условиях вырасти мудрено. В этом смысле, конечно, в театре больше накапливаешь, а кино больше отдаешь.

В кино у актера есть только одно преимущество перед театром: это—сознание, что когда ты спишь или находишься в полном бездействии, твоя работа где-то далеко волнует людей, заставляет их по-новому смотреть на вещи, может быть, даже меняет их судьбу. А когда знаешь, кто наш зритель в эпоху победы социализма и торжества Сталинской Конституции, — делается особенно радостно и светло. Нам, советским актерам, могли бы позавидовать актеры прошлых времен и поколений, которые не могли себя видеть и слышать, не могли оставить после себя память в произведениях, отражающих нашу великую эпоху.

К. ОГАНЕСОВ

МАСТЕР ХОККЕЯ

К концу осени в спортивной жизни начинается период бессезонья. Лето уже кончилось, зима не началась. Десятки тысяч людей, еще недавно заполнявших гостеприимные трибуны стадионов, людей, связанных со спортом узами прочной дружбы, нетерпеливо ждут декабря.

И вот меняется примелькавшийся за лето пейзаж стадиона. Там, где было футбольное поле, теперь гладкий как стекло каток. Можно начинать играть в хоккей!

Многие считают хоккей «футболом на льду», но это — неточное сравнение. Правда, и тут и там играют две команды из 11 игроков, которые одинаково расположены на поле. Тактические приемы обеих игр также весьма схожи, и конечная цель одна — забить мяч в ворота. Но в хоккее игроки передвигаются не «сами по себе», а на коньках и мяч ведется не ногами, а особыми палками — клюшками. Вот это-то и определяет своеобразие хоккея.

Двадцать два человека готовы к игре. У каждого в руках клюшка — плоская деревянная палка, изогнутая на конце.

Вратари, столь внушительные в своих ватных панцырях, охраняют ворота. В центре поля — маленький красный мяч. Свисток судьи. Клюшка ударила по мячу — матч начался...

Он начался в быстром, стремительном темпе, которым отличается хоккей. Стальные лезвия коньков легко скользят по гладкому льду, и игроки передвигаются с большой быстротой. Чтобы хорошо играть в хоккей, надо раньше всего быть отличным конькобежцем.

От ударов клюшек мяч причудливыми, извилистыми путями исчерчивает поверхность льда. В хоккее игра строится фактически в одной плоскости — мяч редко взлетает в воздух. Может быть, это в какой-то степени обедняет игру сравнительно с футболом, но тем больше спортивного азарта в борьбе за мяч, не желающий расставаться со льдом!

Мяч только тогда будет покорно слушаться игрока, когда клюшка сумеет передать ему малейшее желание хоккеиста. Без совершенного владения клюшкой не может быть хорошего хоккеиста.

...У ворот возник острый момент. Атакующие форварды, смяв защиту противника, вышли вперед. Несколько раз красный мяч перебегал от одного к другому и, наконец, попал к крайнему форварду, решившему, что можно бить по воротам. Но игрок не хотел считаться с тем, что на него идут противники, что ему помешают. Игрок успел ударить, но это слабый неточный удар, и вратарь легко взял мяч...

Даже вооруженный совершенной техникой игры хоккеист никогда не будет полезен своей команде, если будет играть в одиночку, «для себя», или — что еще хуже — «для зрителя». Главное, что определяет победу, — это комбинация, разыгрываемая командой. Мяч всегда быстрее игрока, и, только правильно используя комбинации, осмысленную передачу мяча, можно добиться успешной игры и создать предельный по остроте темп.

...Снова разыгранный в центре поля мяч дошел до штрафной площадки противника. Мяч у центрофорварда — расчетливого игрока с высокой техникой. Удастся ли ему забить гол? Противники со всех сторон окружили его. А центрофорвард, как бы считая, что этого еще мало, на несколько секунд отдается игре с мячом и оттягивает на себя еще нескольких игроков. И вот настает решающая секунда. Товарищ по команде находится в выгодном положении. Мяч каким-то непостижимым образом выкатывается к нему, и он забивает гол, подготовленный центрофорвардом.

..Игра началась с центра. Темп стал еще быстрее. Противники хотят во что бы то ни стало сквитать счет. От игрока полузащиты мяч помчался к одному из форвардов. Но чтобы завладеть этим мячом, форварду надо покрыть расстояние в несколько метров. Он рванулся и побежал на носках, совсем как балерина, потому что на льду нельзя иначе сразу сорваться с места, а разгонялся постепенно, потеряешь драгоценные доли секунды. Добежав до мяча и задержав его своей клюшкой, форвард пошел вперед. Он легко обвел нескольких игроков, искусно используя финты— обманные движения туловища. Но гола не получилось. Сильный удар по воротам был квидирован прекрасным броском вратаря, упавшего на мяч и задержавшего его своим телом...

Сходство хоккея с футболом весьма относительно, и все-таки почти все футболисты зимой играют в хоккей (вероятно, потому, что есть и общее между двумя этими играми). Настоящий спортсмен не должен иметь сезонных перерывов в своей спортивной жизни.

Часто спрашивают: всякий ли мастер футбола может быть одновременно и хоккеистом высокого класса? На это можно ответить, что мы знаем очень мало таких спортсменов. Одного из них, пожалуй, наиболее выдающегося, я называют поэтому «двойным мастером».

Летом он восхищает зрителя высокой техникой игры и остроумными комбинациями на футбольном поле. Хорошо известен он и за рубежом, куда не раз ездил вместе с лучшими советскими футболистами. Зимой его игра нередко решает исход хоккейных матчей. О нем— Михаиле Якушине—следует рассказать подробней, потому что его игра покажет нам, в чем заключаются достоинства мастера хоккея.

Игрок высокой техники, Якушин не пользуется своей техникой как самоцелью. Мастер обводки, проводящий мяч куда угодно, он ни когда не увлекается обводкой, отлично понимая, что основное — это коллективная игра всей команды.

Многие игроки — и в хоккее и в футболе — поддаются соблазнительному искушению — сами забивать гол. Этой погони за голами нет у Якушина. Он умеет создавать возможности, после которых легко забиваются голы его партнерами. Якушин старается оттянуть на себя побольше противников, чтобы тем самым открыть своих партнеров. Завершение комбинации облегчается еще и точными передачами мяча, которыми славится Якушин.

Якушин быстро и точно ориентируется в тактическом ходе игры и как бы предугадывает очередную фазу матча за несколько секунд до ее возникновения. Он умеет правильно выбирать место и всегда бывать там, где нужно,— качество, которое и в хоккее и в футболе является поистине неоценимым.

Удары по мячу, которыми пользуются хоккеисты, весьма разнообразны. Наибольшей известностью пользуется удар, называемый «нахлюшкой». При «нахлюшке» надо ударить по мячу концом клюшки так, чтобы вертикальная ось клюшки составила по отношению к мячу определенный угол, примерно 40—45°. От такого удара мяч летит по воздуху со стремительной быстротой. Удар этот знаком каждому хоккеисту, но.. знаком скорее теоретически. И только Якушин в совершенстве владеет этим, казалось бы, простым, а на самом деле чрезвычайно трудным ударом. Малейшая неточность — и либо клюшка ударится об лед либо прилаюнет мяч, и тогда удара не будет: мяч в лучшем случае откатится на несколько метров.

Когда тактическое положение игры дает Якушину необходимую для решающего удара секунду, он всегда старается ударить «нахлюшкой». Тут важно еще то, что не надо тратить времени на замах клюшки, а это экономит секунды. От якушинской «нахлюшки» мяч летит сильно и точно, и отчаянный бросок вратаря не всегда может его задержать...

* * *

Спортивная биография Якушина началась с того счастливого дня, когда бабка подарила ему коньки. Коньки были старые, заржавевшие, но этого не замечал сиявший от счастья мальчик.

Шумная детская ватага, гоняющая на коньках по Самарскому переулку, в Москве, не могла не обратить внимания на помещавшийся рядом стадион. Тогда он еще назывался «Унион» (теперь там стадион «Двухсотлетний»). Забор, отгораживавший стадион, не избег обычной в те годы участи: пошел на дрова. Ребята без труда пробирались на каток, где их ждал настоящий лед.

Дети, видевшие, как взрослые какими-то палками гоняют по льду мяч, затеяли эту игру у себя на дворе. В дело пошли ножки от старых стульев, а из тряпок получалось что-то вроде мяча. Но эта же игра на настоящем катке была куда заманчивее, и, забираясь на лед, ребята настолько увлекались, что не всегда вовремя удирали при появлении сторожей.

Наконец, этот «контрабандный» период посещения стадиона кончился. Из детей, живших по соседству с «Унионом», организовали команду. Некоторые получили настоящие клюшки, другие играли самодельными. Кроме того все игроки детской хоккейной команды получили пропуска на стадион.

Уже тогда, в 1920 году, десятилетний Якушин выделялся среди остальных участников детской хоккейной команды своим пониманием игры, своей техникой. В этих детских матчах он бессменно играл в нападении — место в команде, больше всего отвечавшее его спортивной индивидуальности.

Прошло всего три года, и в 1923 году Якушин занял место центрфорварда в шестой взрослой команде Моссовета. Усердно тренируясь, он делает все большие и большие успехи в хоккее.

Вскоре состоялось знакомство и с футболом, прочно завоевавшим симпатии Якушина. Футбол и хоккей не мешали друг другу, потому что для каждой игры была свой сезон. Две эти спортивные линии как бы соединились в 1929 году, когда Якушин начал играть зимой в первой хоккейной команде Совторгслужащих, а летом — в первой футбольной команде того же союза.

Зимой 1929—1930 года Якушин держал ответственный спортивный экзамен. Он был включен в состав второй сборной Москвы и играл центрфорварда в матче против Ленинграда. Якушин был уже известен как хоккеист, но на этом матче окончательно определилась его спортивная квалификация.

Матч происходил на стадионе «Динамо» вечером. Электрические огни ярко освещали ледяное поле. Напряженная игра шла долго. Она закончилась вничью. Счет был 2 : 2, и ни одна сторона не могла добиться перевеса. И вот мяч от случайного удара двух клюшек, одновременно опустившихся на него, взлетел кверху, в темное ночное небо, и, описав дугу, начал опускаться недалеко от ворот ленинградцев... Зорко следивший за игрой Якушин заметил это. Он помчался вперед, и, когда мяч, ударившись об лед, снова подскочил кверху, клюшка Якушина поймала его в воздухе и резким, сильным ударом послала в ворота. Москва выиграла со счетом 3 : 2. Якушин сдал вызамен. Со следующего сезона он бессменно защищает честь первой хоккейной сборной Москвы.

С 1933 года Якушин играет в пролетарском спортивном обществе «Динамо». Зимой он центрфорвард первой хоккейной команды «Динамо», бессменного чемпиона Москвы. Летом он играет в футбольной команде мастеров «Динамо», в этом сезоне выигравшей и первенство Союза и футбольный кубок.

Якушин — не только мастер спорта: спортсмен-общественник, он работает с молодыми игроками, передавая им свой опыт. Тренировавшая Якушиным третья хоккейная команда «Динамо» в прошлом сезоне вышла на первое место в своем разряде.

* * *

Сейчас зима, и хоккей на несколько месяцев занял место футбола. Молодые хоккеисты, присматриваясь к блестящей игре Якушина, могут многому научиться, повысив тем самым свое мастерство в увлекательной спортивной игре на льду.

..С трибун хорошо видна гладкая, полированная поверхность катка. Тысячи зрителей следят за блестящей игрой мастера хоккея Михаила Якушина (справа, в белой рубашке). Фото И. Фигурова.

Ю. НЕЙМАН

Искусство, разящее врага

(Выставка московских мастеров советской сатиры)

> Оружия
> любимейшего род.
> Готовая
> рвануться в гике,
> застыла
> кавалерия остро...
>
> *В. Маяковский*

На этой выставке нет равнодушных. Здесь отсутствует категория посетителей, добросовестно разглядывающих экспонаты «по порядку» и украдкой позевывающих. Смотрят, потому что интересно. Волнуются и вступают в споры с незнакомыми.

Выставка мастеров советской сатиры не подавляет количеством картин и рисунков. Зато каждая из выставленных здесь вещей полностью доходит до зрителя. Доходит, несмотря на то что публика, посещающая выставку, както особенно пестра, разнообразна и в огромной своей части состоит из людей, по всей видимости, прямого отношения к живописи не имеющих.

Прислушайтесь к разговорам, прочитайте записи в книге отзывов, и вас поразит яркость, острота, бурность реакций. С откликами подобного накала мы привыкли встречаться не на выставках живописи, а в театре, в кино, — словом, при соприкосновении с искусством, развивающимся во времени, действенным.

Так оно и есть на самом деле. У художников, чье творчество показано на выставке, при всем разнообразии их индивидуальностей и манер есть некая общая особенность. Художники эти не изображают, не иллюстрируют: они действуют. Каждый мазок, каждый нажим карандаша такого художника — удар по врагу.

Д. Моор. *Адвокат капитала.*

Враг хитер, изворотлив. Он скрывает свою сущность, лойко маскируя лицо и поступки. Важнейшая задача художника-бойца — обнажить перед зрителем лицо врага.

Несколькими штрихами, лаконично и остро, разъяснить сложную политическую ситуацию. Сделать ее понятной самому неискушенному читателю. Смять, скомпрометировать газетную передовую до предела, до возможности охватить ее одним беглым взглядом.

Это — искусство политической газетной карикатуры, искусство Бориса Ефимова.

Взгляните на звероподобного боша в женском платье, ведущего за собой «послушных деточек» — тупого громилу-чернорубашечника и увешанного оружием японца. Взгляните внимательно, и вам станет понятен смысл тройственного союза держав-агрессоров.

Мизерная фигурка генерала Франко в рядах дюжих немцев кратко и выразительно рассказывает о жалкой и омерзительной роли этого душителя испанского народа.

Б. Ефимов. *Примерные дети германской гувернантки.*

Кукрыниксы. *Гигиена убийцы.*

Оружие Ефимова — едкая издевка, смех, уничтожающий врага.

Можно также бороться с врагом, возбуждая отвращение к нему, ужас и гнев.

Улицы израненных испанских городов, поля, усеянные трупами, кровавые «тропы самурая» на рисунках художника Бродаты будят неутолимую ненависть к фашизму.

О голоде и нищете рабочих капиталистических стран скорбно повествуют полотна Радакова.

Тупой, чудовищный облик капитала, выжимающего золото и кровь, ярко и гневно рисует «шершавым языком плаката» сподвижник Маяковского по «окнам Роста» — художник Черемных.

Врага можно поражать и «корректно», глубоко запрятав гнев и насмешку. Моор очень сдержан. Портреты его, на первый взгляд, немного суховаты. Но вдумайтесь в то, как резок контраст между неприглядностью высохших фигур Рокфеллера, Форда, Круппа и всемогуществом этих людей в капиталистическом мире.

В антирелигиозных своих рисунках Моор свободней, откровей, юмор его откровенней.

Моор и Дени острым лезвием сатиры разят бога и его «приближенных». Остроумно высмеивает незадачливых работников на антирелигиозном фронте блестящий мастер Каневский, в основном представленный на выставке превосходнейшими иллюстрациями к Салтыкову-Щедрину.

Мотивы Щедрина не случайно послужили темой для творчества целого ряда художников. Тупость, жестокость, лицемерие, мракобесие — эти отвратительнейшие черты щедринских персонажей — живут за рубежом нашей страны.

О чудовищных призраках недавнего нашего прошлого рассказывают Кукрыниксы. Белыми глазами сверлит зрителя уродливый карлик Макс. Рядом раз яренный генерал Шкуро, чудовище на подламывающихся, тонких ногах. Печать вырождения и всех пороков лежит на гнусном лице Улагая.

И совсем не случайно вблизи от них, примыкая к чудовищной галерее портретов озверелых бандитов и выродков, отвратительная фигура, выразившая всю ненависть и гнев художников, — презренный Иуда-Троцкий, омывающий руки в крови.

Удары Кукрыниксов сокрушительны. Зоркие их глаза проникают сквозь все защитные покровы. Изображения врагов, принадлежащие кисти этого славного содружества художников, — плод проницательнейших наблюдений, тщательнейшего отбора и пламеннейшей силы ненависти.

И остается удивляться, как широк диапазон художников, какой заботливо нежной, какой любовной, осторожной и вместе лукавой становится кисть Кукрыниксов, когда художники переходят к изображениям друзей.

Дружеский шарж — если только это действительно шарж и действительно дружеский — жанр необычайной трудности. Показать смешное в человеке, не унизив, не обезобразив его, а как-то подчеркнув даже его значительность,—под силу только очень большому и очень чуткому художнику. Портреты Маяковского и И. П. Павлова работы Кукрыниксов полностью отвечают самым высоким требованиям. Тонкий, внутренний такт художников позволил дать портреты-шаржи этих людей так, что их изображения ни в какой мере не оскорбляют наших чувств любви и уважения к великому поэту и великому ученому.

И вполне естественно, что изображения друзей на этой выставке, сокрушающей врагов, дышат чудесной теплотой и мягким юмором: умеющий ненавидеть—умеет любить. Характерны работы чешской художницы Ф. Решетникова. Улыбающиеся посетители толпятся у полотна, изображающего льдину, покрытую волнами бороды Шмидта. Под рисунком подпись:

«В Ледовитом океане
Без руля и без ветрил
Шмидт живет, как на диване,
Бородою всех прикрыл».

Работы Решетникова — замечательный показатель того, как веселье и душевная бодрость не покидают советских людей даже в самых затруднительных обстоятельствах.

Бьющей через край жизнерадостностью, весельем счастливых людей веет от рисунков наших бытовиков-крокодильцев Ротова, Сойфертиса и др. Следует тут же оговориться, что у советских сатириков нет узкой специализации, строгого деления на бытовиков и политических карикатуристов.

К примеру, любящий подробности, остро наблюдательный в мелочах быта Ротов отлично справляется и с политической карикатурой.

У Ротова блестящая выдумка. Заразительно весел, хотя, быть может, несколько поверхностен, юмор таких его вещей, как «Дом отдыха в каменном веке», «Сезоз волнистые стекла трамвая», «Коммунальная кухня». О том, что Ротов может быть значительно глубже, свидетельствует прекрасный его рисунок «Я был лысым», посвященный завоеванию большевиками Северного полюса.

Мелкие неполадки быта мастерски изображают художники Сойфертис, Семенов и др.

К. Ротов. *«Я был лысым».*

Бродаты. *«Вот так я ехал в 1914 году».*

Особо следует выделить те рисунки, острота которых в контрасте между старыми понятиями и новым смыслом, приобретенным этими понятиями. Характерна в этом отношении картинка с подписью: «На окраине где-то города я в рабочей семье родилась...». Картина эта изображает цветущего, прекрасно одетого ребенка на фоне широкой асфальтированной улицы, застроенной многоэтажными домами. Когда-то это называлось рабочей окраиной.

Главная мишень бытовых шаржей — бюрократы, подхалимы, волокитчики, обыватели и прочая дрянь, засоряющая нашу жизнь. Художники расправляются с этими врагами смело, беспощадно и с весело.

Посетитель покидает эту замечательную выставку, организованную редакцией «Крокодила», освеженный смехом, обогащенный, готовый к борьбе.

Как уже было сказано, на выставке царит оживление, не всегда свойственное выставкам изобразительных искусств. В чем же причина такой остроты восприятия? Почему доходят эти картины? Может быть, все дело в особенностях жанра?

Но в чем особенности жанра сатиры?

Сатирический портрет-гротеск, как в фокусе, собирает в себе отличительные, характернейшие черты оригинала. Сатирический жанр в целом заостряет и углубляет особенности, которые свойственны, которые должны быть свойственны живописи вообще, всем ее видам: пейзажу, жанру, портрету. Повторяем: должны быть свойственны. На деле — увы! — это не всегда так. И не худо бы пейзажистам, жанристам, портретистам поучиться у наших сатириков тому, что делает их вещи волнующими и доходчивыми: глубокому проникновению в натуру, тщательности художественного отбора, целеустремленности, страсти.

ШАХМАТЫ

ДВА МАТЧА

В ноябре окончился матч на первенство СССР между гроссмейстером М. Ботвинником и победителем последнего чемпионата СССР Г. Левенфишем. Первый советский гроссмейстер встретился с опытнейшим мастером старых, 30 лет выступающим в шахматных соревнованиях.

Матч был чрезвычайно острым и напряженным. Он закончился ничью со счетом 5 : 5 (и три ничьих).

Хотя на результатах Ботвинника не мог не сказаться годовой перерыв в игре (он готовился к защите научной диссертации, которую успешно защитил, и получил ученое звание кандидата наук), успех Левенфиша значителен. По условиям матча, за ним сохраняется звание чемпиона СССР и кроме того присваивается звание гроссмейстера.

Лучшие иностранные гроссмейстеры: Файн, Ражевский, Флор и другие — в своих письмах в редакцию шахматной газеты «64» единодушно отмечают высокий класс игры Г. Я. Левенфиша, давно уже достигшего уровня игры лучших международных мастеров.

* * *

Одновременно в Голландии происходил матч-реванш на первенство мира между М. Эйве и А. Алехиным. Как известно, в 1935 году Эйве выиграл матч у Алехина и звание чемпиона мира перешло к нему.

Впервые в истории борьбы за титул чемпиона мира побежденному удалось вернуть утраченное было звание. Алехин выиграл матч со счетом 15½ : 9½.

Читатели „Смены" — мастер Верлинский

ИГРА НАЧАЛАСЬ!

156 читателей нашего журнала изъявили желание играть по переписке с мастером СССР Б. М. Верлинским (см. «Смену» № 7). Большинство (64 человека) начало партию ходом 1. e2—e4 (ход 1. d2—d4 предложили 59 человек, ход 1. Kg1—f3—28 человек, иные ходы — 5 человек).

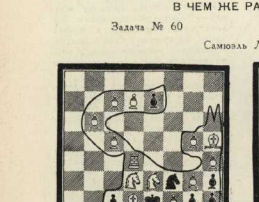
До 23 декабря в партии сделаны такие ходы: 1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. Cf1—c4 Cf8—c5.

Очередь хода за читателями. Ход, присланный большинством, будет передан Верлинскому. Ответный ход мастера будет сообщен всем участникам игры по почте.

Включайтесь в игру, товарищи читатели!

В ЧЕМ ЖЕ РАЗНИЦА?

Задача № 60



Белые, начиная, дают мат в четыре хода.

Задача № 61

Самюэль Лойд

Белые, начиная, дают мат в четыре хода.

Американец Самюэль Лойд — гениальный составитель шахматных задач, «классик композиции», — наряду с «серьезными» задачами составил немало остроумных шуток. Одним из лучших образцов лойдовского юмора являются помещенные выше произведения. Задачи, в которых расстановка фигур напоминает изображение котят, похожи друг на друга, как две капли воды. Вся разница заключается лишь в том, что вторая позиция сдвинута на один ряд влево. Но и этого оказывается достаточным для того, чтобы решения задач-близнецов резко отличались одно от другого.

Редакция «Смены» об'являет конкурс на решение этих композиций. Пятнадцать читателей, раньше других приславших правильные решения, будут премированы. При этом редакция будет учитывать отдаленность местопребывания каждого участника конкурса от Москвы.

ВОСЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

В середине октября 1858 года в знаменитой парижской «Grand Opéra» шла модная опера молодого России «Севильский цирюльник». В антракте в одной из лож двое молодых людей сосредоточенно глядели на шахматную доску и шопотом совещались о чем-то. В этой же ложе, в небрежной позе, прислонясь к барьеру, стояла средних роста молодой человек. Время от времени он подходил к доске, быстро делал ход и снова отходил к барьеру.

Прошло немного времени, и молодой человек, быстро сделав один за другим три хода, довольно громко произнес: «Мат». Сконфуженные соперники поднялись от доски. Начинались как раз в тот момент, когда поднялся занавес...

Партия эта, игравшаяся в столь странной обстановке, — одна из известнейших партий гениального американца Пауля Морфи. Противниками Морфи были герцог Брауншвейгский и граф Изуар, к которым он, как видно из хода борьбы, не питал особого уважения.

После ходов 1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 d7—d6 3. d2—d4 Cc8—g4? 4. d4 : e5 Cg4 : f3 5. Dd1 : f3 d6 : e5 6. Cf1—c4 Kg8—f6 7. Df3—b3 Dd8—e7 8. Kb1—c3! c7—c6 9. Cc1—g5 b7—b5 10. Kc3 : b5! создалось следующее положение:

Продолжение, хорошо известное, вероятно, нашим читателям, было: 10. . . . c6 : b5 11. Cc4 : b5 : Kb6 — d7 12. 0—0—0 Aa8—d8 13. Ad1 : d7! Ad8 : d7 14. Ah1 — — d1 Df6 — e6 15. Cb5 : d7 + ! Kf6 : d7 16. Df3—b8 + ! Kd7 : b8 17. Ad1—d8 ×.

* * *

Через 80 почти лет, в октябре 1937 года, в Гаарлеме (Голландия) игралась 6-я партия матча на первенство мира. Алехин (белые) провел эту партию в агрессивном стиле, несмотря на то что его противником была искушенный во всех тонкостях современной стратегии и тактики чемпион мира Эйве.

Вот эта партия: 1. d2—d4 d7—d5 2. c2—c4 c7—c6 3. Kb1—c3 d5 : c4 4. e2—e4 (теория отдает предпочтение ходу 4. e3, но белые в этой партии идут собственными путями) 4. . . . e7—e5 5. Cf1 : c4 (последний ход черных был сделан в расчете на 5. d : e Df : d1 + 6. Kp : d1 Cc6 с хорошим эндшпилем. Но до эндшпиля в этой партии дело не доходит...) 5. . . . e5 : d4 (не лучше 5. . . . Df : d4 6. Db3 с сильной атакой за пешку). 6. Kg1—f3!! (смелая и глубокая комбинация, совсем необычная для матча на мировое первенство) 6. . . . b7—b5? (Эйве явно растерялся и пытается ответить также неожиданным контрударом. Очень опасно было принятие жертвы: 6. . . . d : c 7. C : : f7 + Kpe7 8. Db3! Kf6 9. Kg5!! и у белых сильнейшая атака) 7. Kc3 : b5! (Обмен любезность ми. Конь вторично становится под удар, и черные вторично не могут его взять: если 7. . . . c : b, то 8. Cd5!) 7. . . . Cc8—a6 8. Dd1—b3 Dd8—e7.

Сравните эту позицию с позицией на диаграмме № 1: сходство здесь не только внешнее, но и по идее атаки на пункт f7.

9. 0—0 Ca6 : b5 10. Cc4 : b5 Kg8—f6 11. Cb5—c4 Kb8—d7 12. Kf3 : d4 (белые добились большого позиционного преимущества и выиграли к тому же пешку. Партия решена) 12. . . . Aa8—b8 13. Db3—c2 Df7—e5 14. Kd4—f5 Kd7—e5 15. Cc1—f4 Kf6— —h5 (лучше было 15. . . . Kfd7) 16. Ce4 : f7 + ! (Пешка ff все же завоевывается) 16. . . . Kpe8 : f7 17. Df2 : e5 Cf8 : e5 18. Cf4 : e5 Ab8—b5 19. Ce5—d6 Cc5—b6 20. b2—b4! Ah8—d8 21. Aa1—d1 c6—c5 (утрожало 22. . . . a4) 22. b4 : c5 Cb6 : c5 23. Ad1— — d5! (Заключительный удар. Если 23. . . . Ac8, то 24. C : c5 A — любая : c5 25. Kd6 +). Эйве сдался.

Партия эта, воскрешающая в нашем уме романтическую эпоху шахматного искусства, лишний раз опровергает пресловутую и вредную теорию о «ничейной смерти шахмат».

А. Илицкий

РЕШЕНИЯ („СМЕНА" №№ 7 — 10)

Задача № 48. 1. Aa2—a6. Задача № 49. 1. Ce8—h5 Kph6 : h5 2. Kph8—g7 h7—h6 3. Kpg7—f6 и т. д. Задача № 50. 1. f2—f3. В вариантах 1. . . . Kg4—e5 2. Kb5—d6 × и 1. . . . Kc6—e5 2. Kc4—d6 × проходит «Московская тема» с тонким разделением матующих ходов белых коней. Задача № 51. 1. Da7— —b8. Три пары эхо-перекрытий. Задача № 52. 1. b6—b7. Задача № 53. 1. Dd1 — a4. № 54 (на c1 — белый ферзь). 1. De1—c2. № 55. 1. Ae3—h3. № 56. 1. c5—c6. № 57. Ch7—g8. № 58. 1. Df1—g1. № 59. 1. Ac5 — c6.

«СМЕНА» за 1937 год

1. РАССКАЗЫ

С. Арсеньев — Под небом Экстремадуры . . . . . № 3
Н. Атаров — Разрыв . . . . . № 7
Пэрл Бак — Родина . . . . . № 12
Вилли Бредель — В подвале Гестапо . № 1
В. Гроссман — Завальщик . . . . . № 1
П. Даниэлян — Южно . . . . . № 6
Его же — На берегах Хора . . . . . № 8
М. Долидзе — Герои . . . . . № 1
Ее же — Тамарка . . . . . № 5
С. Диковский — Патриоты . . . . . № 5
А. Довженко — Щорс наступает . . . № 2
М. Зощенко — Бесславный конец № 9—10
Я. Ильин — Товарищ Серго . . . . № 2
М. Ильин — Повесть без вымысла № 9—10
Е. Кригер — Рассказы о летчиках . № 11
Поль де Крюи — История маленькой Дионы . . . . . № 4
А. Макаренко — Гришка . . . . . № 9—10
К. Паустовский — Старая цапка . . . № 6
А. Рахманов — Беспокойная старость № 7
Самуэль Роджерс — Опасный молодой человек . . . . . № 4
М. Слонимский — Жена пограничника . . . . . № 8
Его же — Западня . . . . . № 12
Рой Флеминг — Мулат . . . . . № 6
Эрнест Хемингуэй — Зеленые холмы Африки . . . . . № 2

2. СТИХИ

А. Адалис — Ридли с ними . . . . № 3
Ее же — Полет . . . . . № 8
П. Антокольский — Дорога . . . . № 1
Его же — Ненависть . . . . . № 2
Р. Альберти — Ганс Беймлер . . . № 3
Его же — Радио-Севилья . . . . . № 3
И. Аралишвили — Бессмертие . . . № 3
Дж. Байрон — Испанцы на войне № 3
В. Гаприндашвили — Руставели . . № 12
Джамбул — Спасибо, Елюй . . . . № 12
Е. Долматовский — Картина Веласкеза . . . . . № 3
Его же — Миниатюры . . . . . № 12
П. Железнов — У моря . . . . . № 1
А. Кулаженко — Дорога в Колонии № 1
Б. Лебедев — Москва . . . . . № 6
В. Маяковский — Эпиграммы . . . № 4
Ю. Нейман — Ожидание . . . . . № 7
А. Обломдер — Первый кандидат № 11
С. Острой — Снег . . . . . № 9—10
П. Панченко — Мать . . . . . № 3
А. Прокофьев — Октябрьские песни № 9—10
В. Саянов — Людмг . . . . . № 2
Стихи современников А. С. Пушкина (А. А. Дельвиг, М. Н. Языкова, В. А. Жуковского, Н. И. Гнедича, В. Л. Пушкина, П. А. Вяземского) . . . . . № 2
А. Сурков — Рождение человека № 9—10
А. Чернозерцев — Пушкин на ярмарке . . . . . № 1
Е. Шевелева — Страна говорит . . № 11
А. Шульц — Новая песня о тканях № 6

3. СТАТЬИ

А. Г. — Щели для врага . . . . . № 8
Н. Габинский — Литература народного фронта . . . . . № 3
Е. Григорьев — Взводы Октября № 9—10
С. Дурылин — Два юбилея . . . . № 1
Б. Иванов — Единственная в мире . № 3
Г. Корсунский — Сокровища Испании № 3
Я. Неждданов — Лицо буржуазной демократии . . . . . № 5
Ю. Нейман — Маленькие трагедии . № 2
Ее же — Лучшая поэма Маяковского № 5
Ее же — Клим Самгин . . . . . № 6
Ее же — Пост Октября . . . . . № 9—10
Ее же — На пути к большому искусству . . . . . № 11
Ее же — Искусство, разящее врага . № 12
А. Никулин — Наследники славы Испании . . . . . № 3
К. Омельченко — Большевистская правда . . . . . № 8
И. Парфентьев — Самое почетное право . . . . . № 9—10
П. Попова и В. Якоцтов — Артистический стол . . . . . № 1
В. Саницкая — Младший всадник . . № 1
Н. Сахарнов — Все! . . . . . № 9—10
А. Семенов — О книге, которой еще нет . . . . . № 3
Его же — За единой комсомола . . № 6
Его же — Певец героической дружбы № 12
С. Сергиенко — Спасибо редакс. № 9—10
А. Стахонов — Миллионы братьев по имени и делу . . . . . № 9—10
С. Г. Тартаковер — О здоровье шахматиста . . . . . № 5
И. Трайнин — Возрожденный народ № 3
Его же — Три великих права . . . № 11
А. Фадеев — Привлечем молодом. № 2
Т. Федорова — Жить и работать по-сталински! . . . . . № 11
А. Фейхтвангер — Враги человечества . . . . . № 3
Н. Флорна — Оружие науки . . . № 9—10
В. Хетагурова — Гордость быть дочерью великого народа . . № 9—10
Проф. С. Чемодавов — Гений русской музыки . . . . . № 7
Б. Чирков — Счастье творить . . № 9—10
К. Чуковский — Заветы Пушкина и Некрасов . . . . . № 1
Ю. Шер — Война в темпате . . . № 7
Б. Шкворович — Писатель-большевик . . . . . № 12
Проф. В. Эйхенбаум — Пушкин и Лермонтов . . . . . № 2
Я. Юсим — Доверие страны . . . № 9—10

4. ОЧЕРКИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

А. Абрамов — Обманутые . . . . № 11
А. Барзан — На высочайшие вершины . . . . . № 6
Е. Белин — Непобедимые аскадрильи № 3
В. Боровской — Предоктябрьский съезд . . . . . № 8
В. Викторов — Скрипач Головин № 4
Его же — Как работают Кукрыниксы № 5
Его же — Депутат Селезнев . . . № 12
Его же — Три требца . . . . . № 6
М. Гольдбер — Вива, Испания! . . № 3
Его же — Большая Москва . . . . № 4
Его же — Волгу повернули в Москве . . . . . № 5
Его же — Бородино . . . . . № 8
Его же — Посмотрите на карту . № 9—10
Б. Гарбатов — Профессия летчика . № 1
О. Городовиков — Юность . . . . № 12
И. Грудзев — Южная Горовой . . № 6
С. Диковский — Дезертиры . . . . № 3
М. Долгополов — Танцоры Грузии . № 2
М. Дакконов — К полюсу! . . . . № 4
П. Дыбенко — За власть советов № 9—10
Ю. Жуков — Орлат сердце . . . . № 8
А. Ильин-Женевский — Два дня . № 9—10
Г. Капустинский — Старые и новые вещи . . . . . № 9—10
А. Киссель — «30 лет тому вперед» . . . . . № 4
Ю. Корольков — Вива, Русски! . № 3
Е. Кригер — Подвиг страны . . . № 6
А. Лесч — Враг вездесущ . . . . № 2
Его же — Самая красивая . . . № 9—10
Мария Тереза Леон — Юность, которой нашел дорогу . . . . № 3
Проф. С. Лозовский — Инквизиторы прошлого и настоящего № 8
А. Лось — Комсомольчане . . . . № 5
Хосе Мартин — Героические батальоны № 3
Р. Магидов — Всемирная парижская № 7
Его же — Беларусь . . . . . № 11
Г. Михайлов — На комсомольских выборах . . . . . № 7
Константин Мильм — Смерть Мюллера . . . . . № 7
Ю. Нейман — Василий Суриков . № 1
Ш. Нюрнберг — Бунт и усмирение нервов . . . . . № 1
К. Огановеи — Братарт Аксинов . № 8
Его же — Мастер хоккея . . . . № 12
Бор. Олеини — Черты поколения . № 11
С. Осипов — Вождь испанского пролетариата . . . . . № 3
Оскар — Дневник бойца . . . . . № 3
М. Пинегин — Две экспедиции . . № 7
И. Репин — Как я учился рисовать № 6
А. Семенов — Сталин в Царицыне . № 2
Его же — Точка на карте страны № 11
Е. Тарле — Осада Сарагосси . . № 2
А. Хват — Записки журналиста . . № 4
Н. Чебоксаров — Клевета на человечество . . . . . № 12
Н. К. Черкасов — Работа актера . № 12
К. Чуковский — Министр, царь и «кухаркины дети» . . . . . № 7
А. Шаров — Трансвратника . . . . № 8
А. Югов — От «пленой» железки в душе человека . . . . . № 6
А. Яковлев — На Кировском заводе № 12

5. ЗАМЕТКИ ОБ ИНТЕРЕСНЫХ КНИГАХ

М. Водопьянов — От сохи к самолету . . . . . № 6
А. Галубева — Мальчик из Уржума № 12
Арсен Джордания — Ваши крылья . № 4
А. Зиновский — Шиконов, диверсантов и вредителей уничтожим до конца! . . . . . № 11
И. Ильф и Е. Петров — Одноэтажная Америка . . . . . № 1
В. Катаев — Я сын трудового народа . . . . . № 12
Джимми Каллинз — Летчик-испытатель . . . . . № 6
Поль де Крюи — Борьба со смертью № 1
В. Куйбышев — Записки из моей жизни . . . . . № 8
П. Панченко — На Востоке . . . . № 2
Шота Руставели — Витязь в тигровой шкуре . . . . . № 5
Б. Сафонов — А. Гумбольдт . . . № 7
Льюис Синклер — У нас это невозможно . . . . . № 8
А. Твардовский — Страна Муравия . № 1
Творцы народа СССР . . . . . № 12
Дж. Уэллс — Мистер Блеттсуэрти на острове Рэмполь . . . . . № 11
Ю. Тышпов — Пушкин . . . . . № 4
К. Чуковский — Илья Репин . . . № 2

РИСУНКИ

Г. Васильева, И. Гришпелёва, А. Каневского, Б. Коноплянова, Д. Красильникова, Кукрыниксов, И. Семенова, Н. Анса, П. Митурича, Н. Пинегина, К. Ротова, В. Щеглова, А. Шульца.

ФОТО

Майо Альберо, Я. Бумдсного, А. Великжанина, Н. Волкова, М. Гехтмана, В. Голубцова, Гарнизо, И. Гущина, Д. Дебабова, Г. Захарченко, Б. Игнатовича. О. Игнатовин, Г. Капустинского, Р. Кармен, Анисимова, Р. Магидова, Е. Михлеева, В. Маслова, А. Мордовца, Г. Новицкого, В. Рубкоеца, Сотовина, П. Сипронва, С. Струкинова, И. Фигурова, Четверова, И. Шагина.

СОДЕРЖАНИЕ

Речь товарища **СТАЛИНА** на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа гор. Москвы 11 декабря 1937 года. — Привет молодым избранникам страны! — **В. Викторов** — Депутат Селезнев (очерк). **А. Яковлев** — На Кировском заводе (фотоочерк). **М. Слонимский** — Западня (рассказ). **Пэрл Бак** — Родина (рассказ). **О. Городовиков** — Моя юность (очерк). **В. З.** Живой Киров (очерк). **Б. Шкворович** — Писатель-большевик. **Валериан Гаприндашвили** — Рустамели (стихи). Перевод с грузинского П. Антокольского. **Е. Сикар** — Певец героической дружбы (статья). **Евг. Долматовский** — Миниатюры (стихи). **Н. Чебоксаров** — Клевета на человечество (научный очерк). **Н. К. Черкасов** — Работа актера (очерк). **К. Огановесон** — Мастер хоккея (очерк). **Ю. Нейман** — Искусство, разящее врага (статья).
Заметки об интересных книгах.— Шахматы.
Рисунки художников: Н. Лиса, И. Гришпелёва.
Фото: И. Шагина, И. Гущина, И. Фигурова.
На обложке: Лыжная прогулка. Фото И. Гущина.
На обороте обложки: Конькобежцы. Фото И. Шагина.

Ответ. редактор **В. А. Герасимова** Зам. ответ. редактора **М. Л. Гольдберг** Оформление **В. И. Урия**

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24, тел. Д 3-34-24

Сдано в набор 27/XI 1937 Подписано к печати 26/XII 1937 Изд. № 1176. Формат 72×110 см. 5 печ. л. 98 000 зн. в печ. л.
Уполномоченный Главлита № Б — 10937. Выпускающий **Н. В. Меркушов.** Зак. № 2535. Тираж 45 000

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 1 рубль.